Григорий Горин.

Тот самый Мюнхгаузен

МОСКВА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1986

Сборник “Комическая фантазия”

Комическая фантазия в двух частях о жизни и смерти знаменитого барона Карла Фридриха Иеронима фон Мюнхгаузена, ставшего героем многих веселых книг и преданий

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен - барон.

Марта - его жена.

Якобина фон Мюнхгаузен - его супруга, баронесса.

Феофил фон Мюнхгаузен - его сын.

Томас - слуга.

Бургомистр.

Рамкопф - адвокат.

Судья.

Пастор.

Фельдфебель.

Музыкант.

Горожане.

Действие происходит в одном из многочисленных германских княжеств XVIII века.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Просторная гостиная в доме барона Мюнхгаузена. Стены украшены многочисленными картинами, изображающими барона во время его знаменитых путешествий и подвигов. Здесь же развешаны головы и рога подстреленных бароном зверей.

В центре гостиной - большой камин. Рядом - книжные шкафы, заполненные книгами в дорогих переплетах. В правом углу гостиной - клавесин. В глубине лестница, ведущая в кабинет барона. Возле лестницы - огромные часы с маятником.

Слуга Томас вводит Пастора.

Томас. Прошу вас, господин пастор. Господин барон сейчас спустится.

Пастор. Хорошо, я подожду.

Томас делает попытку уйти, Пастор останавливает его.

Послушай, твой хозяин и есть тот самый барон Мюнхгаузен?

Томас. Да, господин пастор. Тот самый.

Пастор (указывая на рога и чучела). А это, стало быть, его охотничьи трофеи?

Томас. Так точно.

Пастор. И этот медведь? (Указывает на чучело.)

Томас. Да, господин пастор. Господин барон поймал его прошлой зимой.

Пастор. Поймал?

Томас. Так точно! Господин барон пошел в лес на охоту и там встретился с этим медведем. Медведь бросился на него, а поскольку господин барон был без ружья…

Пастор. Почему без ружья?

Томас. Я же говорю: он шел на охоту…

Пастор (растерянно). А? Ну, ну… Дальше.

Томас. И когда медведь бросился на него, господин барон схватил его за передние лапы, сжал их и держал так, пока тот не умер.

Пастор. От чего ж он умер?

Томас. От голода… Медведь, как известно, питается зимой тем, что

сосет лапу, а поскольку господин барон лишил его такой возможности…

Пастор (с усмешкой). И ты в это веришь?

Томас. Конечно, господин пастор. (Указывая на медведя.) Да вы сами посмотрите, какой он худой.

Пастор. Ладно, ступай…

Томас уходит. Пастор с любопытством оглядывает гостиную, пристально рассматривает книги. Стенные часы вдруг издают негромкое шипение, затем бьют три раза. Тут же наверху в кабинете раздаются два пистолетных выстрела. Пастор вздрагивает, испуганно прижимается к стене. Быстро входят Томас и Марта.

Томас. Фрау Марта, я не расслышал, который час?

Марта. Часы пробили три, барон - два… Стало быть, всего пять.

Томас. Тогда я ставлю жарить утку?

Марта. Да, пора.

Из своего кабинета по лестнице сбегает Мюнхгаузен. Ему лет пятьдесят, но он бодр и энергичен: лихие усы, белый парик с косичкой, за поясом пистолет.

Мюнхгаузен. Так, дорогие мои, шесть часов! Пора ужинать!

Марта. Не путай нас, Карл. Ты выстрелил два раза.

Мюнхгаузен (смотрит на часы). А сколько на этой черепахе? Ах, черт, я думал, они уже доползли до четырех… Ладно, добавим часок… (Достает

из-за пояса пистолет.)

Марта (хватает его за руку). Карл, не надо. Пусть будет пять! У Томаса еще не готов ужин.

Мюнхгаузен. Но я голоден! (Стреляет, пистолет дает осечку.) Вот, черт возьми, получилось - полшестого… Ладно! (Томасу.) Поторапливайся, у тебя в запасе полчаса!

Томас уходит. Дрожащий Пастор выходит из-за укрытия.

Марта (заметив Пастора). У нас гости, Карл.

Мюнхгаузен. А, дорогой пастор! Рад видеть вас в своем доме.

Пастор (все еще напуган). Я тоже… рад вас видеть, барон. Я приехал, потому что получил от вас письмо, в котором…

Мюнхгаузен. Знаю, знаю, ведь я сам его написал. Итак, вы получили письмо и приехали. Очень мило с вашей стороны. Как добрались?

Пастор. Спасибо, хорошо.

Мюнхгаузен. Вы ведь из Ганновера, не так ли?

Пастор. Совершенно верно.

Мюнхгаузен. Вас не захватил в дороге дождь?

Пастор. Нет. Тучи начали собираться, но потом…

Мюнхгаузен. Да, да, я их разогнал… Да вы садитесь!

Пастор садится.

Впрочем, нет, сначала я хочу вас познакомить с женой.

Пастор встает.

Это - Марта!

Пастор. Очень приятно, баронесса.

Мюнхгаузен. К сожалению, она - не баронесса. Она просто - моя жена.

Пастор. Извините…

Мюнхгаузен. Мы не обвенчаны. Именно поэтому я и просил вас приехать. Вы бы не согласились свершить над нами этот святой обряд?

Пастор. О, это большая честь для меня… Но…

Мюнхгаузен. Что?

Пастор. Я хотел спросить… Я хотел поинтересоваться, почему вы выбрали именно меня? Разве у вас в городе нет своего священника?

Мюнхгаузен. Есть, но он отказывается нас венчать!

Пастор. Почему?

Мюнхгаузен. Потому что - дурак!

Марта (перебивая). Карл, ну зачем ты так сразу?! (Пастору.) Мы вам все объясним, но позже… Сначала - ужин!

Мюнхгаузен. Да, да, конечно! (Смотрит на часы.) Не правда ли, пастор, поразительно медленная машина? Как она умудряется отсчитывать

столетия, просто не понимаю… Где же Томас?

Марта. Он только что поставил жарить утку.

Мюнхгаузен. Милая, сходи поторопи огонь. Передай ему - у нас гость!

Марта. Хорошо, милый! (Уходит.)

Мюнхгаузен. Хотите осмотреть мою библиотеку, пастор?

Пастор. С удовольствием! Я уже обратил на нее внимание. У вас редкие книги.

Мюнхгаузен. Да! И многие с автографами…

Пастор. Как приятно.

Мюнхгаузен (доставая с полки фолиант). Вот, например, Софокл.

Пастор. Кто?!

Мюнхгаузен. Софокл. Это лучшая его трагедия - “Царь Один”. С дарственной надписью.

Пастор. Кому?!

Мюнхгаузен. Ну, мне, разумеется…

Пастор (решительно). Извините меня, барон… Я много наслышан о ваших… о ваших, так сказать, чудачествах… Но позвольте вам все-таки сказать, что этого не может быть!

Мюнхгаузен (протягивая книгу). Да вот же… “Дорогому Карлу Мюнхгаузену от любящего его…” Вы читаете по-древнегречески? Смотрите!..

Пастор. И смотреть не стану!

Мюнхгаузен. Но почему?

Пастор. Потому что этого не может быть! Он не мог вам писать!

Мюнхгаузен. Да почему, черт подери?! Вы его путаете с Гомером. Гомер действительно был незрячим, а Софокл прекрасно видел и писал.

Пастор. Он не мог вам написать, потому что жил в Древней Греции!

Мюнхгаузен. И я жил в Древней Греции.

Пастор (возмущенно). Ну, знаете ли…

Мюнхгаузен. Скажу вам по секрету, пастор: вполне вероятно, что и вы жили в Древней Греции. Просто вы этого не помните, а я помню.

Пастор. Враки! Докажите!

Мюнхгаузен. Господи, я ж вам доказываю… (Снова протягивает книгу.) Эти ваши сомнения голословны, а у меня в руках - документ!

Входит Томас с подносом. Его сопровождает Марта.

Марта. Ужин готов! Надеюсь, вы не скучали здесь, пастор?

Мюнхгаузен. Нет, мы мило беседовали. Я показывал пастору этот папирус.

Марта. Который тебе подарил Софокл?

Мюнхгаузен. Да, “Царя Эдипа”.

Марта (грустно). Бедный Эдип. Как они гнали его - слепого, дряхлого… в проливной дождь…

Мюнхгаузен. Ну, ну… Не вспоминай! Я же просил тебя не смотреть…

Пастор (испуганно глядит на Марту). Господи, куда ж я попал?

Мюнхгаузен. Вы попали в хороший дом, пастор. Здесь весело! И к тому же вкусно кормят. (Разглядывает поднос.) Зелень, ветчина, рыба… А где

утка, Томас?

Томас. Она еще не дожарилась, господин барон.

Мюнхгаузен (возмущенно). До сих пор?! Да что ж такое?.. Никому ничего нельзя поручить. Все приходится делать самому… (Снимает со стены ружье.) Посмотри, Томас, они летят?

Томас (заглянув в окно). Летят, господин барон. Как раз над нашим домом стая.

Мюнхгаузен. Командуй! (Хватает со стола блюдо, подбегает к камину, засовывает туда ружье.)

Томас. Внимание! Пли!

Мюнхгаузен стреляет. Слышен шум падающей птицы. Он подставляет блюдо и вытаскивает из камина жареную утку.

Мюнхгаузен (отщипнув кусочек). О!.. Вкусно… Она хорошо прожарилась, пастор.

Пастор (иронично). Вижу, барон… Она, кажется, и соусом по дороге облилась…

Мюнхгаузен. Да?.. Как это мило с ее стороны… Итак, прошу за стол!

Пастор. Нет, уважаемый барон, у меня что-то пропал аппетит. К тому же я спешу… Прошу вас, еще раз изложите мне суть вашей просьбы.

Мюнхгаузен. Просьба проста: я хочу обвенчаться с женщиной, которую люблю. С моей милой Мартой. С самой красивой, самой умной, самой нежной… Господи, зачем я объясняю - вы же ее видите!

Пастор. И все-таки, почему ваш местный пастор отказывается?

Мюнхгаузен. Он говорит, что я уже женат.

Пастор. Женаты?!

Мюнхгаузен. Именно! И вот из-за этой ерунды оп не хочет соединить нас с Мартой!.. Каково?! Свинство, не правда ли?!

Марта. Подожди, Карл… (Пастору.) Дело в том, что у барона была жена, но она ушла.

Мюнхгаузен. Она сбежала от меня два года назад.

Пастор. По правде сказать, я бы тоже это сделал.

Мюнхгаузен. Поэтому я и женюсь не на вас, а на Марте.

Пастор. К сожалению, барон, я вам ничем не смогу помочь!

Мюнхгаузен. Почему?

Пастор. При живой жене вы не можете жениться вторично.

Мюнхгаузен (изумленно). Вы предлагаете ее убить?!

Пастор. Упаси бог! (Марте, с отчаянием.) Сударыня, вы - более благоразумный человек. Объясните барону, что его просьба невыполнима.

Марта (грустно). Нам казалось, есть какой-то выход… Может, вы могли бы помочь барону развестись с бывшей женой?

Пастор. Церковь противится разводам!

Мюнхгаузен. Вы же разрешаете разводиться королям?

Пастор. В виде исключения. В особых случаях… Когда это нужно, скажем, для продолжения рода…

Мюнхгаузен. Для продолжения рода нужно совсем другое!

Пастор (решительно). Разрешите мне откланяться!

Мюнхгаузен (взял Пастора под руку, заглянув в глаза). Послушайте, пастор, люди, которые посоветовали мне к вам обратиться, говорили о вас,

как об умном и образованном священнике. Вы не можете не понимать, что из-за этих дурацких условностей страдают два хороших человека. Церковь должна благословлять любовь!

Пастор. Законную!

Мюнхгаузен. Всякая любовь законна, если это - любовь!

Пастор. Позвольте с этим не согласиться!

Марта (Пастору). Что ж вы нам посоветуете?

Пастор. Что я могу посоветовать, сударыня?.. Живите как живете, но по людским и церковным законам женой барона будет считаться та жена, которой нет!

Мюнхгаузен. Бред какой-то!.. Итак, вы, служитель церкви, предлагаете нам жить во лжи?!

Пастор (усмехнувшись). Странно, что вас это пугает… Мне казалось, ложь - ваша стихия!

Мюнхгаузен. Я всегда говорю только правду…

Пастор (в гневе). Перестаньте, барон!.. Хватит валять дурака! Вы погрязли во вранье, вы купаетесь в нем как в луже… Это - грех!.. Я читал на досуге вашу книжку… О боже! Что 7а чушь вы там насочиняли!

Мюнхгаузен. Я читал вашу - она не лучше.

Пастор. Какую?

Мюнхгаузен. Библию. Там тоже много сомнительных вещей… Сотворение Евы из ребра… Ноев ковчег…

Пастор. Эти чудеса сотворил бог!!!

Мюнхгаузен. А чем я хуже? Бог, как известно, создал человека по своему образу и подобию.

Пастор. Не всех!!!

Мюнхгаузен. Вижу. Создавая вас, он, очевидно, отвлекся от первоисточника.

Пастор (взбешенно). Вы… Вы!.. Чудовище! Проклинаю вас! И ничему не верю… Слышите?! Ничему!.. Все это (жест) - ложь! И ваши книги, и ваши утки, и эти рога, и головы - все обман! Ничего не было! Слышите?.. Все вранье!..

Мюнхгаузен внимательно смотрит на Пастора, потом молча берет с полки молоток, начинает вбивать в стену гвоздь.

Марта. Не надо, Карл!

Мюнхгаузен. Нет, нет… Здесь я повешу его голову, иначе мне опять не поверят!..

Пастор. Всего доброго, сударыня! Благодарю за гостеприимство!

Пастор поспешно выбегает. Марта подходит к клавесину, опускает голову.

Мюнхгаузен становится рядом, начинает одним пальцем наигрывать какой-то веселый мотив. Марта плачет.

Мюнхгаузен. А вот это - глупо! Дарить слезы каждому пастору слишком расточительно.

Марта. Это - четвертый, Карл…

Мюнхгаузен. Позовем пятого, шестого… двадцатого.

Марта. Двадцатый уже приедет на мои похороны. Нас никогда не обвенчают.

Мюнхгаузен. Неужели это для тебя так важно?!

Марта. Не для меня… Но есть люди, Карл. Они шепчутся за моей спиной, они тычут пальцем: “Вон пошла содержанка этого сумасшедшего барона!” Наш священник сказал, что больше не пустит меня в кирху.

Мюнхгаузен. Подлец! За это бог не пустит его в рай! Ему же хуже!

Марта. Прости меня, Карл, я знаю, ты не любишь чужих советов… Но может быть, ты что-то делаешь не так?! А? Может, этот разговор с пастором надо было вести как-то иначе?

Мюнхгаузен. Ну, не меняться же мне из-за каждого идиота?!

Марта. Не насовсем!.. На время! Притвориться! Стать таким, как все…

Мюнхгаузен. Как все?! Что ты говоришь?.. Как все… Не двигать время, не жить в прошлом и будущем, не летать на ядрах, не охотиться на мамонтов?.. Да никогда! Что я - ненормальный?

Марта. Но ради меня…

Мюнхгаузен. Именно ради тебя! Если я стану таким, как все, ты же меня разлюбишь!

Марта (неуверенно). Не знаю…

Мюнхгаузен. Знаешь! И хватит об этом… Ужин на столе.

Марта. Нет, милый, что-то не хочется. Я устала. Пойду прилягу.

Мюнхгаузен. Хорошо, дорогая. Поспи. Сейчас я сделаю ночь. (Подходит к часам, переставляет стрелки на двенадцать.) Так?

Марта. Да, спасибо, милый. (Уходит.)

Мюнхгаузен садится за клавесин, задумчиво бренчит по клавишам. Входит Томас с подносом.

Томас (громко). Господин барон…

Мюнхгаузен. Тс-с-с!.. Что ты орешь ночью?

Томас (шепотом). Я хотел сказать: утка готова.

Мюнхгаузен (шепотом). Отпусти ее! Пусть летает!..

Томас. Слушаюсь! (Подходит к окну, выбрасывает утку.)

Слышно хлопанье крыльев. Часы бьют двенадцать раз, и наступает темнота.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Дом баронессы Якобины фон Мюнхгаузен. Богатая обстановка. На стенах многочисленные портреты предков. Последний из портретов завешен черной вуалью. Сидя в кресле, Баронесса слушает рассказ господина фон Рамкопфа мужчины средних лет в парике и с забинтованным лбом.

Ее сын Феофил фон Мюнхгаузен - молодой человек в форме корнета - нервно ходит по комнате.

Рамкопф (заканчивая рассказ). …Он так и сказал “Отпустите ее, пусть летает!”

Баронесса. А дальше?

Рамкопф. Дальше стало темно, и мне на голову вылили жаркое.

Феофил. Ужасно! Ужасно! До чего мы докатились - дворянин подслушивает под окнами.

Рамкопф. Во-первых, я не подслушивал, а случайно услышал этот разговор. Во-вторых, баронесса, вы же сами просили…

Баронесса. Конечно. (Сыну.) Фео, немедленно извинись! Господин Рамкопф ради нас рисковал собой, даже пострадал… (Целует Рамкопфа в лоб, морщится.) Вам надо сменить повязку, Генрих, эта пропахла луком…

Феофил (подходит к Рамкопфу). Извините, господин Рамкопф! (Протягивает руку, тот нехотя пожимает.) Я сам не понимаю, что говорю… Нервы! Господи, когда же наступит конец этому кошмару?! Неужели ничего нельзя сделать?

Баронесса. Скоро вернется бургомистр и скажет, что решили в Ганновере.

Феофил. Что могут решить чиновники, мама? Пока мы ищем защиты у закона, он, в конце концов, обвенчается с этой девкой. Надо действовать! Немедленно! Господин Рамкопф, вы друг нашей семьи, вы трогательно о нас заботитесь, сделайте же еще один шаг.

Рамкопф. Все, что от меня зависит!

Феофил. Вызовите его на дуэль!

Рамкопф (испуганно). Нет! Ни в коем случае… Во-первых, он меня убьет, во-вторых…

Баронесса (перебивая). Этого достаточно! (Сыну.) Побойся бога, Фео! Речь все-таки идет о твоем отце.

Феофил. Мама, не напоминай, пожалуйста!.. Все мои несчастья только от этого… Мне уже девятнадцать, а я всего лишь корнет, и никакой перспективы… Даже на маневры меня не допустили. Полковник заявил, что он отказывается принимать донесения от барона Мюнхгаузена… Когда на поверке выкрикивают мою фамилию, солдаты кусают губы, чтоб не расхохотаться!

Баронесса. Бедный мальчик! И все-таки ты можешь с гордостью носить свою фамилию, она - одна из самых древних в Германии. (Указывая на портреты.) Вот твои предки: рыцари крестовых походов, гофмаршал его величества…

Феофил. И наконец, этот! (Подходит к последней картине, срывает вуаль с портрета смотрит улыбающийся Мюнхгаузен, поднимающий себя за волосы из болота.) Почему ты не выкинешь эту мазню?

Баронесса. Чем она тебе мешает?

Феофил. Она меня бесит! (Хватается за шпагу.) Изрубить бы ее на куски!

Баронесса (испуганно). Не смей!.. Он утверждает, что это - работа Рембрандта.

Феофил. Чушь собачья!

Баронесса. Разумеется!.. Но аукционеры предлагают за нее десять тысяч.

Рамкопф. Так продайте.

Баронесса. Продать - значит признать, что это правда. (Закрывает картину вуалью.) Успокойся, Фео!

Входит Бургомистр. На нем дорожный костюм, он только что вернулся из Ганновера.

Бургомистр. Добрый вечер, господа! (Целует руку Баронессе.) Вы, как всегда, очаровательны! (Пожимает руку Рамкопфу.) Видел вашу новую карету, Рамкопф: красное дерево, синий бархат - бездна вкуса! (Кивнув Феофилу.) Как дела, корнет?.. Вижу, что хорошо!

Баронесса (мрачно). Судя по обилию комплиментов, вы вернулись с плохой новостью.

Бургомистр. Ну почему?.. Все не так плохо, господа, все не так плохо… Я имел долгую беседу с судьей Ганновера, а тот имел долгую беседу с епископом, а тот тоже имел предварительную беседу с каким-то очень важным лицом…

Феофил (мрачно). Вероятно, с богом?

Баронесса (сердито). Фео!..

Бургомистр. Да, мой друг, может быть, может быть…

Рамкопф. Ну и что они все решили?

Бургомистр. Судья считает, что, к сожалению, пока нет достаточных оснований для конфискации поместья барона и передачи его под опеку наследника.

Рамкопф. Нет оснований? Человек разрушил семью, выгнал жену с ребенком!

Бургомистр. Насколько я знаю, они сами ушли.

Баронесса. Да! Но кто может жить с таким человеком?

Бургомистр. Видите, фрау Марта - может…

Рамкопф. Но ведь это - любовница! Господа, давайте уточним! Имеешь любовницу - на здоровье! Все имеют любовниц. Но нельзя же допускать, чтобы на них женились. Это аморально!

Бургомистр. Вот тут-то мы и подошли к самому печальному сообщению: его величество герцог удовлетворил прошение барона о разводе.

Баронесса (упавшим голосом). Не может быть!

Бургомистр. К сожалению! Последнюю неделю его величество находился в некоторой конфронтации с ее величеством… Говорят, она его застукала с какой-то фрейлиной, и это было нечто ужасное… (Делает многозначительный жест.) Будучи в некотором возбуждении, герцог подписал несколько прошений о разводах со словами: “На волю! Всех - на

волю!..” Теперь, если духовная консистория утвердит это решение, барон может жениться во второй раз…

Феофил. Так! Доигрались! (Рамкопфу.) Вы по-прежнему отказываетесь от дуэли?

Рамкопф. Да подождите, Феофил!

Феофил. Ждать больше нельзя! Если вы отказываетесь, я сам его вызову. Вы будете моим секундантом.

Рамкопф. Ни в коем случае!

Феофил. Почему?

Рамкопф. Во-первых, он убьет и секунданта, во-вторых…

Баронесса (властно). Прекратите! (Бургомистру.) Он не имеет права жениться. Сумасшедшим нельзя жениться! Это противозаконно. И вы как бургомистр обязаны это запретить!

Бургомистр. Баронесса, понимаю ваш гнев, но что я могу сделать? Объявить человека сумасшедшим довольно трудно. Надо иметь веские доводы.

Рамкопф. Хорошо! Сейчас я вам прочту один документ, и вы честно скажете, составлен ли он человеком в здравом рассудке или нет? (Достает из кармана бумагу.) Это я стащил в доме барона…

Феофил. Ужасно! До чего мы докатились: дворянин стащил бумажку!

Рамкопф (нервно). Да помолчите вы, наконец! Какое нетерпение… Вылитый отец!.. Итак!.. (Читает.) “Распорядок Дня барона Карла Фридриха Иеронима фон Мюнхгаузена на тридцатое мая тысяча семьсот семьдесят шестого года…”

Бургомистр. Любопытно!

Рамкопф. Весьма!.. (Читает.) “Подъем - шесть часов утра!” (Многозначительный взгляд в сторону Бургомистра.)

Бургомистр. Ненаказуемо!

Рамкопф. Ну, знаете ли…

Бургомистр. Нет, я согласен, вставать в такую рань для людей нашего круга противоестественно, но…

Баронесса. Читайте дальше, Генрих!

Рамкопф (читает). “Семь часов утра - разгон облаков, установление хорошей погоды…” Что вы на это скажете?

Бургомистр. Дайте-ка… (Берет бумагу.) Действительно - “разгон облаков”… (Взглянув в окно.) И как назло, сегодня чистое небо…

Феофил. Вы хотите сказать, что это его заслуга?

Бургомистр. Я ничего не хочу сказать, Феофил! Я просто отмечаю, что сегодня - великолепный день. У меня нет никаких оснований утверждать, что он разогнал облака, но и говорить, что он НЕ разогнал облака, значит противоречить тому, что видишь.

Баронесса. Вы смеетесь над нами?

Бургомистр. Что вы, баронесса?! Я всецело на вашей стороне. Просто мне кажется, что такая экспроприация барона вряд ли удастся… Человек с его послужным списком, его заслугами перед отечеством… Не думаю, чтоб герцог на это согласился!.. Поэтому, может быть, лучше не устраивать скандалов и согласиться на развод?!

Баронесса. Никогда!

Бургомистр. Имущество и приданое останется за вами… Вы будете свободны. Вы сможете жить с любимым человеком.

Баронесса. Я и без развода могу жить с любимым человеком. А барону место в лечебнице или в тюрьме! Читайте дальше, Генрих!

Рамкопф (читает). “С восьми до десяти - ПОДВИГ”!..

Бургомистр. Как это понимать?

Баронесса. Это значит, что с восьми до десяти утра у него запланирован подвиг… Что вы скажете о человеке, который ежедневно отправляется на подвиг, точно на службу?!

Бургомистр. Я сам служу, сударыня. Каждый день к девяти мне надо идти в магистрат… Не скажу, что это подвиг, но вообще что-то героическое в этом есть…

Баронесса. Хватит! Вы издеваетесь!

Бургомистр. Отнюдь. Я просто хочу объективно разобраться.

Феофил. К черту вашу объективность!

Рамкопф. Подождите, господа! Успокойтесь… Сейчас мы дошли до интересного пункта… Посмотрим, что вы на это скажете, господин бургомистр… (Читает.) “В шестнадцать ноль-ноль - ВОЙНА С АНГЛИЕЙ”!..

Бургомистр (печально). Господи, чем ему Англия-то не угодила?..

Баронесса. Один человек объявляет войну целому государству!.. И это нормально?!

Бургомистр. Нет. Это уже - нечто!.. Это, пожалуй, можно рассматривать как нарушение общественного порядка.

Феофил. Наконец-то!

Бургомистр. Я же говорю, что стараюсь сохранить объективность. Что наказуемо, то наказуемо… (Подходит к окну, кричит.) Господин фельдфебель!

Входит Фельдфебель.

Господин фельдфебель, срочно разыщите барона Мюнхгаузена и приведите его сюда! Если он окажет сопротивление, примените силу!

Фельдфебель. Слушаюсь! (Выходит.)

Бургомистр (возбужденно). Я назначен бургомистром, чтобы в городе был порядок, и в городе будет порядок! Война - это не шутки! Война есть война! Обещаю вам: если это так, барон будет строго наказан!

Баронесса. Слава богу, и у вас не выдержали нервы!

Бургомистр (Рамкопфу). Генрих, как адвокат, скажите, что ему грозит?

Рамкопф. Честно говоря, даже и не знаю… В кодексе не предусмотрен такой случай.

Баронесса. Двадцать лет тюрьмы! Я требую - двадцать лет! Столько, сколько я была за ним замужем.

Феофил. Для меня и это не спасение… Тюрьма, больница… Все равно скандал, сплетни - и мне всю жизнь оставаться корнетом!.. Господин бургомистр, давно хочу спросить: я могу изменить фамилию?

Бургомистр. Разумеется. Женитесь и возьмите фамилию жены.

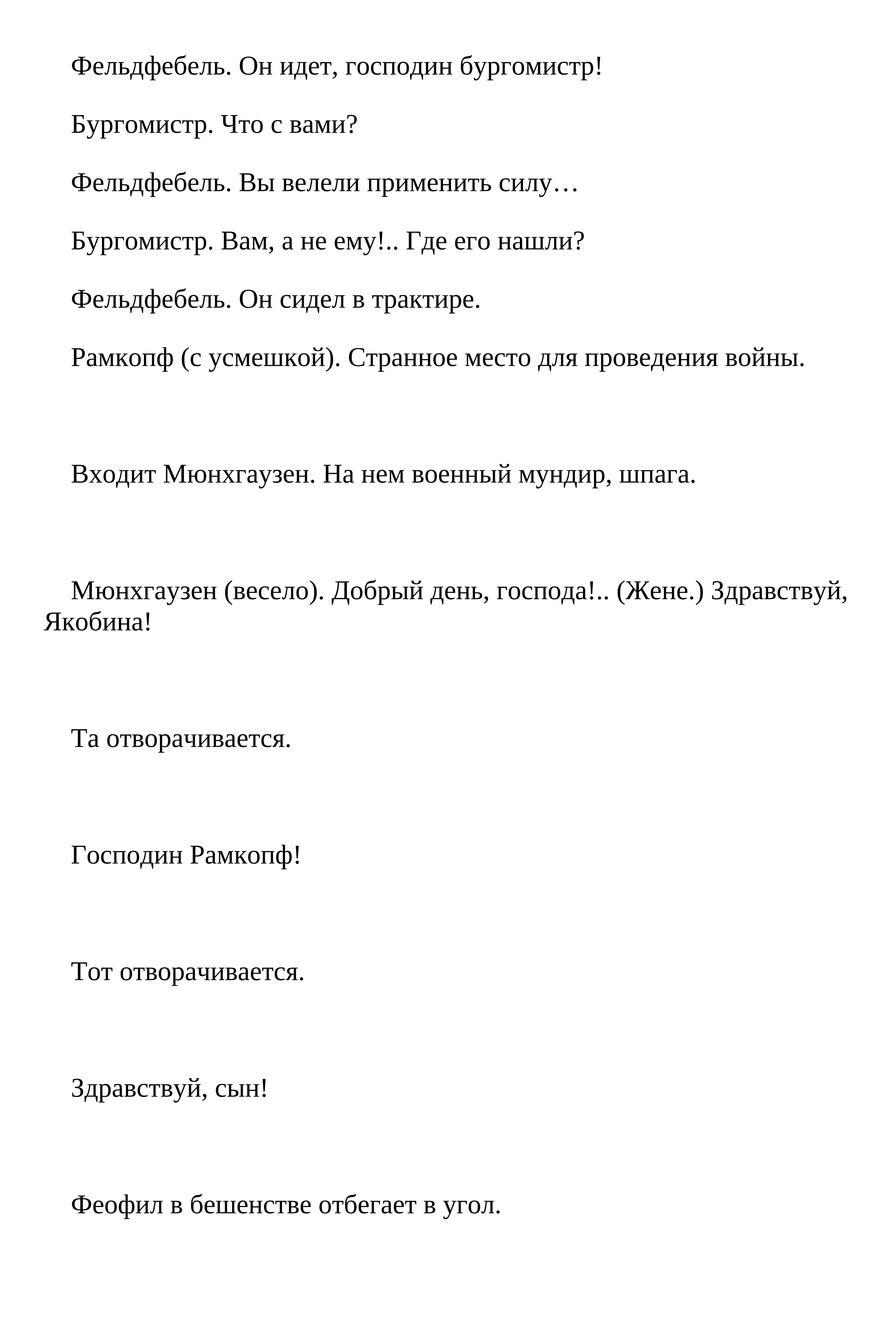
Феофил. Легко сказать - женитесь! А кто пойдет за Мюнхгаузена?!

Бургомистр. Возьмите фамилию вашей матушки. Феофил фон Дуттен красиво!

Баронесса. Перестань, Фео!.. Все равно будут говорить: “Это тот фон Дуттен, который бывший Мюнхгаузен”. Лишний повод для шуток.

Феофил (в отчаянии). Значит, нет выхода? Нет! Дуэль, только дуэль!..

Входит Фельдфебель. Его парик сдвинут, под глазом здоровенный синяк.

Фельдфебель. Он идет, господин бургомистр!

Бургомистр. Что с вами?

Фельдфебель. Вы велели применить силу…

Бургомистр. Вам, а не ему!.. Где его нашли?

Фельдфебель. Он сидел в трактире.

Рамкопф (с усмешкой). Странное место для проведения войны.

Входит Мюнхгаузен. На нем военный мундир, шпага.

Мюнхгаузен (весело). Добрый день, господа!.. (Жене.) Здравствуй, Якобина!

Та отворачивается.

Господин Рамкопф!

Тот отворачивается.

Здравствуй, сын!

Феофил в бешенстве отбегает в угол.

Вы позвали меня помолчать?!

Бургомистр. Это я вас позвал, дорогой Карл… Мне тут сообщили довольно странное известие… Даже не знаю, как и сказать. Ну… будто бы вы… объявили войну… Англии…

Мюнхгаузен (достав часы). Пока еще нет. Война начнется в четыре часа, если Англия не выполнит условий ультиматума.

Бургомистр. Ультиматума?

Мюнхгаузен. Да! Неделю тому назад я им выслал ультиматум!

Бургомистр (нервно). Кому “им”? Выражайтесь понятней!

Мюнхгаузен. Королю Георгу и парламенту. Я потребовал от них прекратить бессмысленную войну с североамериканскими колонистами и признать их независимость. Срок ультиматума истекает сегодня в шестнадцать ноль-ноль. Если мои условия не будут приняты, я начну войну!

Рамкопф. Интересно, как это будет выглядеть? Вы станете палить по ним отсюда из ружья или пойдете врукопашную?

Мюнхгаузен. Методы ведения кампании - военная тайна! Я не могу ее разглашать, тем более в присутствии штатских!

Бургомистр (решительно). Так!.. Господин барон, я думаю, нет смысла продолжать этот бесплодный разговор. Послав ультиматум, вы тем самым перешли всяческие границы! (Кричит.) Война - это не покер! Ее нельзя объявлять когда вздумается! Вы арестованы, господин барон!.. Фельдфебель, примите у господина барона шпагу!

Фельдфебель (нерешительно). Если он отдаст…

Мюнхгаузен. Господин бургомистр, не делайте глупостей. Я знаю, вы

достойный человек, в душе вы тоже против Англии…

Бургомистр. Это никого не касается!

Мюнхгаузен. Моя война тоже касается только Англии и меня.

Бургомистр. Барон! Как старший по званию приказываю сдать шпагу!

Феофил (решительно подошел к отцу). Господин барон, я вызываю вас на дуэль!

Бургомистр (нервно). Подождите, Феофил! (Мюнхгаузену.) Сдайте шпагу!

Феофил (выхватил шпагу). Защищайтесь!

Мюнхгаузен (сердито). Да разберитесь вы между собой, в конце концов!

Вбегает Томас.

Томас. Господин барон, вы просили вечернюю газету!

Мюнхгаузен. Ну-ка? (Берет газету, просматривает, молча протягивает Бургомистру.)

Тот смотрит в газету.

Феофил. Что там еще?

Бургомистр (упавшим голосом). Англия признала независимость Америки.

Мюнхгаузен (взглянув на часы). Без десяти четыре!.. Успели!.. Их

счастье! (Всем.) Честь имею! (Уходит в сопровождении Томаса.)

Рамкопф. Немыслимо!

Баронесса (Бургомистру). Вы его отпустили?

Бургомистр. Что ж я мог?..

Рамкопф. Но ведь это чудовищное совпадение!

Баронесса. Вы не бургомистр, вы - тряпка!

Бургомистр. Сударыня, ну что вы от меня хотите? Англия сдалась…

Затемнение

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Просторное помещение городского суда. В центре кресло, которое занимает ганноверский Судья - пожилой мужчина в мантии и пышном парике. Рядом с ним сидят Бургомистр и Пастор. Чуть впереди - Баронесса, Рамкопф и Феофил. По другую сторону - Мюнхгаузен. В глубине сцены за клавесином сидит Музыкант.

Судья. Объявляю судебное заседание по делу о разводе барона Карла Фридриха Иеронима фон Мюнхгаузена и баронессы Якобины фон Мюнхгаузен открытым!

Музыкант заиграл гимн герцогства Ганноверского. Все стоя выслушали его.

Господин бургомистр, прошу вас!

Бургомистр (обращаясь к зрителям). Господа! С большим волнением я приступаю к своей речи. Процесс, на котором мы с вами присутствуем, поистине можно назвать необычным и даже уникальным, ибо в каждом городе Германии люди женятся, но не в каждом разрешены разводы. Именно поэтому первое слово благодарности наш магистрат приносит его величеству герцогу Георгу, чья всемилостивейшая подпись позволила нам стать свидетелями этого праздника свободы и демократии!

Аплодисменты.

Господа! Нам выпало счастье жить в просвещенном восемнадцатом веке, навсегда сбросившем с себя рубище средневековья, прикрывавшее духовное невежество и мракобесие инквизиции. Сколько трагедий описывает нам история, сколько криков отчаянья доносится к нам из глубины веков - это крики супругов, лишенных возможности расстаться! Вспомним историю английского короля Генриха Восьмого, вынужденного послать на плаху свою супругу Анну Болейн и топором палача разрубить узы неудачного брака. Вспомним Иоанну Первую, Неаполитанскую, которая из-за любви к другому повесила собственного супруга на шелковом шнуре, который сама же сплела…

Нет, господа, мы не католики, чье застарелое ханжество не позволяет супругам расстаться, когда умерли их чувства. Но мы, слава богу, и не магометане, чье духовное невежество разрешает иметь несколько жен там, где достаточно одной. Мы - лютеране, и учение, завещанное нам Лютером, гласит: “Неверное - да будет уничтожено, истинное - да будет узаконено!” (Садится.)

Судья (Пастору). Ваше преподобие, вы желаете сказать?

Пастор (вставая). Я с большим интересом выслушал речь господина бургомистра и благодарю его за слова, сказанные в адрес духовной консистории. Однако действия церкви нельзя было признать гуманными, если б она, благословляя разрыв супружества, не попыталась бы вначале его восстановить. Поэтому сейчас, обращаясь с этой высокой кафедры, я хочу сказать: дети мои! Внемлите своему духовному пастырю. Откройте нам причины, побудившие вас разрывать союз, благословенный богом. Да не смутят вас эти стены и мантии, здесь не суд, а исповедь, и покаяние есть благо! (Садится.)

Рамкопф (вставая). Ваше превосходительство, разрешите?

Судья кивает в знак согласия.

Господа! Я являюсь адвокатом баронессы и хотел бы изложить вкратце суть дела, опуская, естественно, те пикантные подробности, которые могли бы поставить мою подзащитную в неловкое положение. Итак, двадцать лет назад здесь, в Ганновере, случайно встретились молодой барон Карл фон Мюнхгаузен и баронесса Якобина фон Дуттен. Ему - двадцать пять, ей и того меньше, он унтер-офицер, она хороша собой, они словно созданы друг для друга… Их повенчали в Ганноверском соборе и вскоре, в результате тех пикантных подробностей, о которых я обещал не говорить, у них родился мальчик Феофил, ныне сын истца и ответчицы, наш юный корнет.

Феофил (недовольно). При чем тут “корнет”?

Судья. Господа, прошу не перебивать!

Рамкопф. Я продолжаю… Любили ли супруги друг друга? Безусловно! Но нет, их жизнь не протекала тихо и безмятежно. Странный характер господина Мюнхгаузена, его склонность к преувеличениям и нелепым фантазиям часто омрачали супружеское счастье. Обращаю внимание суда на тот факт, что фантазии барона вспыхивали именно тогда, когда у него появлялся интерес на стороне. Стоило возникнуть мимолетному

увлечению, Мюнхгаузен тут же начинал охотиться на тигров, летать на ядрах и тому подобном… Господа! Всякий муж, возвращаясь домой после недельного отсутствия, пытается обмануть жену, но не всякий додумается до того, чтобы утверждать, что он был на Луне! И все-таки моя кроткая беззащитная подзащитная пыталась закрывать на это глаза. Она гасила пожар негодования во имя тепла семейного очага. Однако в последний год, когда господин Мюнхгаузен повстречался с некой девицей по имени Марта, дочкой аптекаря, его чудачества достигли апогея. Он стал уноситься к звездам, беседовать с Сократом и переписываться с Шекспиром. Этого уже ни один нормальный человек выдержать не может! И баронесса покинула замок. Вот и вся история! Вам, уважаемые судьи, решать, кто виновен в осквернении священных уз Гименея! Что касается вас, господин Мюнхгаузен, то баронесса поручила сказать мне следующие слова: “Карл! Я и сейчас готова все простить! Образумься, покайся, смирись, и я вновь прижму тебя к своей груди!” (Садится, довольный произнесенным.)

Судья. Благодарю вас, господин Рамкопф! Господин барон, прошу вас.

Мюнхгаузен (вскочив). Господа! Я глубоко потрясен речью господина Рамкопфа, особенно его последним предложением. Однако я вынужден от него отказаться, ибо почти все сказанное защитником, к сожалению, не соответствует истине. Наше замужество, как это ни странно, началось задолго до нашего рождения: род Мюнхгаузена давно мечтал породниться с родом фон Дуттен, поэтому, когда у них родилась девочка, то я, в свою очередь, родился уже не только мальчиком, но и мужем. Нас познакомили еще в колыбели, и моя супруга мне сразу не понравилась, о чем я и заявил, как только научился разговаривать. К сожалению, к моим словам не прислушались, и, едва мы достигли совершеннолетия, нас отвезли в церковь. В церкви на вопрос священника, готов ли я взять в жены Якобину фон Дуттен, я честно ответил: “Нет!” И нас тут же обвенчали. После венчания мы уехали в свадебное путешествие: я - в Турцию, она - в Швейцарию, и три года жили там в любви и согласии. Затем, уже находясь в Германии, я был приглашен ландграфом Бранденбургским на бал-маскарад, где танцевал с одной очаровательной особой в маске испанки. Там же я увлек ее в беседку, обольстил, после чего она сняла маску, и я увидел, что это моя собственная жена. Таким образом, если я изменил, то прежде всего себе. Обнаружив ошибку, я тут же хотел подать на развод, но выяснилось, что у нас должен кто-то родиться. Как порядочный человек, я

не мог бросить жену, пока ребенок не достиг совершеннолетия. Я вернулся служить в полк, совершил несколько кругосветных путешествий, участвовал в трех войнах, где был ранен в голову. Вероятно, в связи с этим возникла нелепая мысль, что я смогу прожить остаток дней в кругу семьи. Я вернулся домой, провел три дня, общаясь с супругой и сыном, после чего немедленно направился к аптекарю купить яду. И тут - свершилось чудо! Я увидел Марту… Самую чудную, самую честную, самую прекрасную… Господи, зачем я это говорю - вы все ее знаете! Жизнь приобрела смысл! Я влюбился в первый и, наверное, последний раз в жизни, и я счастлив! Надеюсь, что Якобина все поймет и, в конце концов, порадуется вместе со мной… И да здравствует развод, господа! Он разрушает ложь, которую я так ненавижу!! (Садится.)

Судья. Баронесса, вы хотите что-то добавить по существу дела?

Баронесса (поднимаясь). …Трудно говорить, когда на тебя смотрят столько сочувствующих глаз. Развод отвратителен вовсе не потому, что разлучает супругов, а потому, что мужчину почему-то начинают считать “свободным”, а женщину - “брошенной”. Нет! Не унижайте меня жалостью, господа! Пожалейте лучше себя! Мой муж - опасный человек, господа!.. Я вышла за него замуж не по любви, а из чувства долга перед страной… Двадцать лет я смиряла его, я держала его в границах семейной жизни и тем самым спасала от него жизнь всего общества! Теперь вы разрубаете наши узы… Что ж! Вините в последствиях только самих себя… Не страшно, что я одинока, страшно, что он - на свободе!!!

Аплодисменты.

Судья. Благодарю вас. (Всем.) Итак, господа, супруги изложили свои взгляды по существу дела. Однако здесь присутствует и третий участник семейной драмы… Феофил фон Мюнхгаузен, вы хотите выступить?

Феофил. Да, господин судья.

Баронесса (сыну). Фео, держи себя в руках… Умоляю!

Феофил. Не волнуйся, мама… (Встает.) Уважаемый суд! Я буду по-военному краток. Вы хотите знать мое мнение? Вот оно! (Достал пистолет, направил его на Мюнхгаузена.)

Все испуганно вскочили. Феофил нажал курок, раздался сухой щелчок.

Не волнуйтесь, господа! Я не вложил сюда пули… Я зарядил свой пистолет горечью и презрением… (Садится.)

Мюнхгаузен. Господи, какая пошлость!

Бургомистр (вскочил). Господа, успокойтесь… Господин судья, я думаю, что нет смысла разжигать страсти… Если столь уважаемые особы за двадцать лет не нашли путей к примирению, глупо надеяться, что это произойдет в последнюю секунду… Как вы считаете, ваше преподобие?

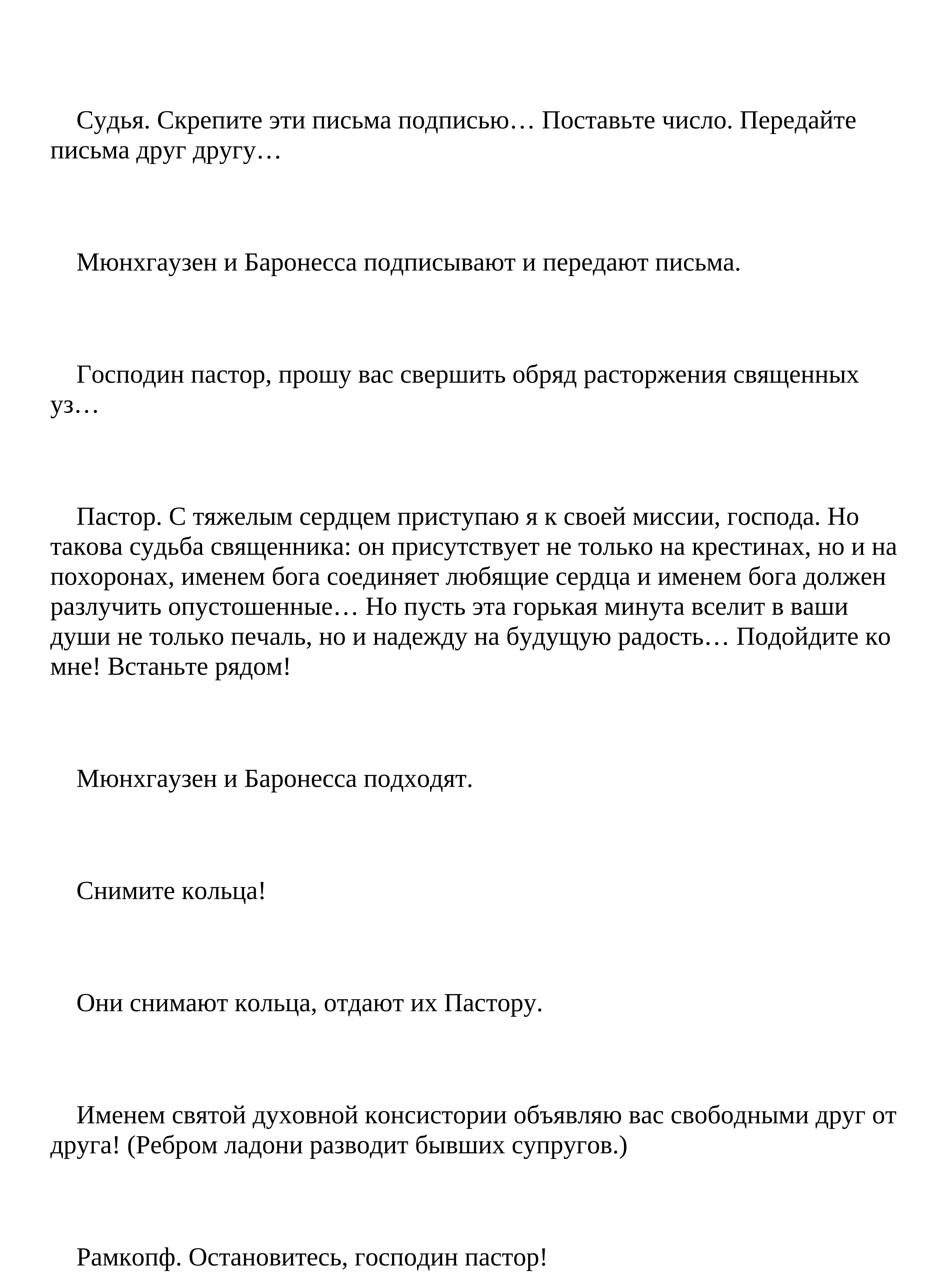
Пастор. Согласен с вами.

Судья. Хорошо! Так… господин барон, госпожа баронесса, попрошу подойти ко мне и ознакомиться с разводными письмами.

Мюнхгаузен и Баронесса подходят к Судье, берут письма, читают.

Мюнхгаузен. “Я, Карл Фридрих фон Мюнхгаузен, будучи в здравом рассудке и ясной памяти, добровольно разрываю брачные узы с Якобиной фон Мюнхгаузен и объявляю ее свободной”.

Баронесса. “Я, Якобина фон Мюнхгаузен, урожденная фон Дуттен, будучи в здравом рассудке и ясной памяти, добровольно разрываю брачные узы с Карлом фон Мюнхгаузеном и объявляю его свободным”.

Судья. Скрепите эти письма подписью… Поставьте число. Передайте письма друг другу…

Мюнхгаузен и Баронесса подписывают и передают письма.

Господин пастор, прошу вас свершить обряд расторжения священных уз…

Пастор. С тяжелым сердцем приступаю я к своей миссии, господа. Но такова судьба священника: он присутствует не только на крестинах, но и на похоронах, именем бога соединяет любящие сердца и именем бога должен разлучить опустошенные… Но пусть эта горькая минута вселит в ваши души не только печаль, но и надежду на будущую радость… Подойдите ко мне! Встаньте рядом!

Мюнхгаузен и Баронесса подходят.

Снимите кольца!

Они снимают кольца, отдают их Пастору.

Именем святой духовной консистории объявляю вас свободными друг от друга! (Ребром ладони разводит бывших супругов.)

Рамкопф. Остановитесь, господин пастор!

Замешательство.

Судья. Что это значит?

Рамкопф (размахивая разводным письмом). Извините, господин судья! Простите, пастор, что я нарушаю ваши священнодействия, но лучше это сделать сейчас, чем после, когда мы убедимся, что наш суд превращен в постыдный фарс!

Судья. Господин Рамкопф, выбирайте выражения!

Рамкопф (повышая голос). В постыдный фарс! Да! В постыдный… Я готов употребить и более крепкое словцо… Господин судья, прочтите внимательно разводное письмо барона Мюнхгаузена.

Судья (берет письмо, читает). “Я, Карл Фридрих Иероним…”

Рамкопф. Дату! Читайте дату!

Судья. “Тысяча семьсот семьдесят шестой год. Тридцать второго мая”. Что?! (Мюнхгаузену.) Вы ошиблись, барон.

Мюнхгаузен. Почему? Я поставил точное число.

Рамкопф. Такого числа нет!

Мюнхгаузен. Ну-ну, как это - нет?.. Мне-то не рассказывайте!

Бургомистр. Если вчера было тридцать первое мая, то сегодня какое?

Мюнхгаузен. Тридцать второе… Вы только не волнуйтесь, господа. Я вам сейчас все объясню… Это - мое открытие…

Баронесса (истерически). Фигляр! Сумасшедший!

Феофил. Стреляться! Немедленно! С двух шагов!..

Мюнхгаузен. Да подождите! Я же объясню…

Судья. Документ, подписанный такой датой, недействителен!

Пастор (Мюнхгаузену). Будь проклят! (Швыряет кольца на пол.) Будь проклят каждый, кто прикоснется к тебе!

Бургомистр (в отчаянии). Подождите, пастор… Господа… Что вы натворили, барон? Что вы наделали?

Мюнхгаузен (стараясь перекричать шум). Господа, дайте мне сказать! Почему вы не хотите меня выслушать?

Судья. Суд оскорблен! Объявляю заседание закрытым!

Вслед за этими словами Музыкант ударяет по клавишам. Звучит гимн.

Все замолкают и свое негодование выражают только возмущенными взглядами и мимикой.

Затемнение

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Вновь гостиная в доме барона Мюнхгаузена. Стоя на стремянке, Томас протирает тряпкой картины. Марта сидит у клавесина, одним пальцем наигрывает какую-то мелодию.

Томас (обращаясь к портрету). Великий вы человек, барон Мюнхгаузен, а все-таки и на вас пыль ложится.

Марта (резко захлопнула крышку клавесина, посмотрела на часы). Уже шесть! Господи, почему они там так долго? Невыносимо! Пусть будет

пять! (Подходит к часам, переставляет стрелки.)

Томас (обращаясь к портрету). Вы можете побеждать целые армии, а против пыли - ни-ни… Против нее ни ядра, ни картечь… Только Томас с тряпкой. И не протри он ваши подвиги, кто их увидит?

Марта (тихо молится). Боже великий, сделай так, чтоб все было хорошо! Не сердись на Карла, господи! Ты старше, ты мудрее, ты должен уступить…

Томас. Или взять вот эту штуку… (Снимает подзорную трубу.) Дальноскопная труба для обзора Вселенной… А без Томаса она два грязных стекла, засиженных мухами… А вот помоешь ее, протрешь бархоточкой - и снова дальноскопная труба… (Заглядывает в трубу, наводит на окно.) Они возвращаются, фрау Марта.

Марта (испуганно). Кто “они”?

Томас. Господин барон… господин бургомистр… мальчишки.

Марта. Мальчишки? Какие мальчишки?.. Ах да… ну конечно… Раз идет барон, за ним бегут мальчишки.

Томас. И кричат…

Марта. Конечно, конечно… кричат. Что? Что они кричат, Томас?

Томас. Не знаю. Я ведь только вижу, а не слышу… Наверное, как обычно: “Чокнутый барон! Чокнутый барон!”

Марта. Как обычно!.. Почему ж у меня плохое предчувствие? Господи!.. А что - бургомистр?

Томас. Бургомистр что-то говорит господину барону и машет руками.

Марта. А Карл?

Томас. А господин барон идет… А бургомистр машет… Нет, нет. Теперь и господин барон остановился и стал тоже махать руками… А бургомистр схватился за голову и побежал прочь… А мальчишки перестали кричать!..

Марта (упавшим голосом). Значит, что-то случилось.

Томас. Нет. Господин барон догнал его и теперь ведет к нам. Вы но волнуйтесь, фрау Марта, он его крепко держит… Не вырваться!

Марта. Я пойду переоденусь. Если Карл будет спрашивать меня, я переодеваюсь. (Быстро проходит в свою комнату.)

С шумом появляются Мюнхгаузен и Бургомистр.

Бургомистр (вырываясь). Оставьте меня в покое! Всякому терпению есть предел!

Мюнхгаузен. Нет, вы меня послушайте! Не может быть, чтобы один умный человек не понял другого… (Томасу.) Где Марта?

Томас. Фрау Марта переодевается, господин барон.

Мюнхгаузен. Переодевается?.. Зачем?.. Ах, да… Я же велел ей надеть подвенечное платье. Мы собирались ехать в церковь…

Бургомистр. Сразу?!

Мюнхгаузен. А чего же тянуть?..

Бургомистр. Развод и венчание в один день?!

Мюнхгаузен. Конечно! Для чего откладывать?.. И потом, какой это день тридцать второе!

Бургомистр (жалобно). Барон, ради бога, разрешите мне уйти… у меня слабое сердце… Я не смогу выдержать этого объяснения…

Мюнхгаузен. Марта умная женщина, она все поймет.

Бургомистр. Значит, я дурак. Я не могу и не хочу этого понимать… Господи, как же вы ей сообщите?.. Ну, придумайте что-нибудь. Давайте

скажем, что суд перенесли…

Мюнхгаузен. Нет! Скажем как есть. В этом доме еще никто никогда не обманывал!

Появляется Марта. Она в темном плаще, в руках дорожный баул.

А вот и Марта! (Бургомистру.) Ну?.. Я же говорил, что она сразу все поймет.

Марта (спокойно). Безусловно, Карл… Добрый день, господин бургомистр.

Бургомистр. Добрый день, фрау Марта. Вы, как всегда, очаровательны… Вам очень идет этот плащ…

Мюнхгаузен (перебивая). Ерунда! Он тебе совершенно не идет… И баул не гармонирует. Сядь, успокойся, давайте обсудим создавшееся положение.

Марта. Хорошо. А ты, Томас, пока прикажи приготовить лошадей…

Бургомистр (Марте). Вы уже знаете, что случилось?

Марта. Нет. Но понимаю, что развод не подписан.

Бургомистр. В том-то и беда, что уже был подписан!.. Все шло идеально. И наш барон, как никогда, был выдержан… Не дерзил, не стрелял в воздух… И вдруг - эта нелепая фантазия; тридцать второе мая! (Мюнхгаузену.) Ну скажите, черт возьми, откуда оно вдруг взялось?!

Мюнхгаузен. Я вам давно пытаюсь объяснить.

Марта. Тридцать второе? Этого и я не знала.

Мюнхгаузен. Правильно! Я хотел тебе сделать сюрприз.

Бургомистр. Вы его сделали, не отчаивайтесь!

Мюнхгаузен. Послушайте же наконец! Марта! Томас!.. Бургомистр! Я открыл новый день. Это одно из самых великих открытий, а может, самое-самое… Я шел к нему через годы раздумий, наблюдений… И вот оно пришло - тридцать второе!

Бургомистр (усмехаясь). Мы это уже слышали. Я спрашиваю: откуда пришло?

Мюнхгаузен. Ответьте мне, сколько дней в году?

Бургомистр. Не знаю. И вообще, кто спрашивает: вы или мы?

Мюнхгаузен. Хорошо! Я сам буду задавать вопросы и сам на них отвечать. Вы только следите за ходом мыслей… Сколько дней в году?.. Триста шестьдесят пять!.. Точно?.. Нет, не точно… В году триста шестьдесят пять дней и шесть часов. Эти часы складывают, и тогда каждый четвертый год становится високосным… Но я задумался: а точно ли в году триста шестьдесят пять дней шесть часов?! Оказалось, нет! В нормальном году триста шестьдесят пять дней шесть часов и еще три секунды… Это подтвердит вам любой астроном, даже не столь авторитетный, как я. Надо лишь подняться к звездам с хронометром и оттуда проследить за вращением Земли. Я это делал не раз. Марта может подтвердить! Итак - три секунды неучтенного времени. За годы эти секунды складываются в минуты, за столетия - в часы. Короче, дорогие мои, за время существования нашего города нам натикало лишний день! Тридцать второе мая! (Оглядывая всех с торжествующим видом.)

Бургомистр (устало.) Все?

Мюнхгаузен. Все!

Бургомистр. И вы ничего умнее не придумали, как сообщить об этом на суде?

Мюнхгаузен. При чем тут суд?.. Мне надо было объявить это всем, что я и сделал.

Бургомистр. И вы надеялись, что вам поверят?

Мюнхгаузен. А куда же деться от фактов?! Ну не идиоты же мы, чтобы отказываться от лишнего дня в жизни?! Томас, ты рад, что у нас появилось тридцать второе?

Томас. Вообще-то не очень, господин барон!.. Первого мне платят жалованье…

Мюнхгаузен. При чем тут это?! Ты не понял… Ступай готовь ужин.

Томас уходит.

Бургомистр. Вы напрасно сердитесь на слугу. Он абсолютно прав. Даже если оно и есть, ваше тридцать второе, оно никому не нужно. Поймите, барон, в мире существует определенный порядок: один день сменяет другой, за понедельником наступает вторник… Нельзя так сгоряча вламываться в движение жизни. Это недопустимо! Начнется хаос. Люди не будут знать, когда рождество, а когда - пасха… Вы же видели, как был взбешен пастор!

Мюнхгаузен. Какой пастор? При чем тут пастор?.. Мы решаем судьбы мироздания… Марта, скажи ты… Ты же понимаешь, что я прав?

Марта. Извини меня, Карл… У меня что-то все перепуталось в голове… Наверное, ты, как всегда, прав… Я не понимаю в расчетах и верю тебе… Но нас не обвенчают! Это я поняла… И я ухожу. Не сердись, милый, я устала…

Бургомистр. Барон, нельзя же так издеваться над любящей женщиной! Ради нее, ради вашей семьи вы можете признать, что сегодня - обычный день, тот, что в календаре?!

Мюнхгаузен. Да как же я могу это сделать? Все, что хотите, кроме лжи! Соглашусь на что угодно, но никогда не скажу, что белое - это черное, что тридцать второе - первое.

Бургомистр. Значит, вы не любите фрау Марту!

Мюнхгаузен. Неправда!

Марта. Конечно, Карл… Ты любишь меня, я знаю… Но и ради меня не хочешь ничем поступиться… Помнишь, когда мы встретились с Шекспиром, он сказал: все влюбленные клянутся исполнить больше, чем могут, а не исполняют даже возможного…

Мюнхгаузен. Это он сказал сгоряча. А потом, помнишь, добавил: “Препятствия любви только усиливают ее!”

Марта. У нас их чересчур много, этих препятствий! Они мне не по силам. Господи, ну почему ты не женился на Жанне д’Арк? Ведь она была согласна…

Мюнхгаузен. Я знал, что встречу Марту.

Марта. А вдруг ты обознался?.. И твоя Марта где-то далеко или еще не родилась?.. Не требуй от меня большего, чем могу… Знаешь, о чем я мечтаю?

Мюнхгаузен. Конечно. Мы это всегда делаем вместо.

Марта. Нет! Теперь я иногда мечтаю одна… Я мечтаю, чтоб был хоть один день, когда ничего не происходит.

Мюнхгаузен. Это ужасно!

Марта. Наверное!.. Но я мечтаю об этом дне. Я не гожусь для тридцать второго! (Вдруг кричит.) Я не хочу его!

Мюнхгаузен. Не хочешь?! Не хочешь еще одного дня весны? Самого последнего?.. Целый восход и заход… Лишний полдень… Тысячи новых секунд… Ты всего этого не хочешь?!

Марта. Нет. И поэтому я уезжаю… (Берет баул.)

Мюнхгаузен. Постой! Черт знает что такое!.. Ты не можешь вот так, вдруг, взять и уйти!

Бургомистр. Вы сами в этом виноваты, барон. Нельзя нарушать порядок

вещей…

Мюнхгаузен. Хорош порядок: я просил развода с Якобиной, а меня разлучают с Мартой.

Бургомистр. Сами виноваты.

Мюнхгаузен. Но ведь я сказал правду!

Бургомистр. Черт с ней, с правдой!.. Иногда можно и соврать. Боже мой, такие вещи приходится объяснять Мюнхгаузену. С ума сойдешь!

Мюнхгаузен (Марте). Ты тоже так считаешь?

Марта молчит.

Нет, нет, ничего не говори… Я сам все пойму… (Подходит к ней, смотрит в глаза.) Ну что ж… Ладно! Пусть будет по-вашему. Что мне надо сделать, бургомистр?

Бургомистр. Не знаю, можно ли теперь все это поправить?

Мюнхгаузен. Ну, ну… Всегда есть способ выкрутиться… У вас такой опыт…

Бургомистр. Попытаться, конечно, можно… Но прежде всего вы должны признать, что сегодня первое июня.

Мюнхгаузен (равнодушно). Хоть десятое…

Бургомистр (гневно). Не десятое, а первое! Не делайте, пожалуйста, одолжений!.. Далее надо будет уговорить пастора повторить обряд… Это будет самым трудным. Я пытался после суда поговорить с ним, но он кипел от возмущения…

Мюнхгаузен. Старый ханжа!

Бургомистр (строго). Успокойтесь!.. Так вот, после долгих увещеваний мне все-таки удалось его кое в чем убедить… Короче, он мог бы согласиться на повторный развод, если вы от всего откажетесь…

Мюнхгаузен. От чего?

Бургомистр. ОТ ВСЕГО!.. От всех ваших богомерзких фантазий. Не смотрите на меня волком - это его выражение… Вам придется признать, что все это ложь… Ну, вроде неудачной шутки. Причем это надо сделать письменно.

Мюнхгаузен. Письменно?!

Бургомистр. Разумеется! Вы письменно врали, теперь письменно отрекайтесь…

Мюнхгаузен. Мне не написать второй книги. Я на это истратил целую жизнь.

Бургомистр. Никто от вас книги и не просит. Все должно быть сделано в форме официального документа: “Я, барон Мюнхгаузен, заявляю, что я обыкновенный человек, я не летал на Луну, не скакал верхом на ядре, не поднимал себя за волосы из болота…” И так далее, по всем пунктам.

Мюнхгаузен (Марте). Ты тоже так считаешь?

Марта. Не знаю… Может, мне все-таки лучше уйти?

Мюнхгаузен (задумавшись). Нет, нет… Без тебя мне будет хуже, чем без себя… Я все напишу, господин бургомистр!.. Как вы говорите: “Я, барон Мюнхгаузен, обыкновенный человек…” Звучит как начало романса… Ничего страшного.

Бургомистр. Ну конечно, дорогой мой… Что тут особенного? И Галилей отрекался!

Мюнхгаузен. Поэтому я больше люблю Бруно… Но не стоит сравнивать, там все было значительней и страшнее… Я хорошо помню это пламя…

Здесь все проще… “Я, барон Мюнхгаузен, обыкновенный человек, я не летал на Луну…” Ах, какая она красивая, бургомистр, если б вы только видели… Белые горы и красные камни на заходе солнца… Я не летал на нее!.. И на ядре не скакал в том страшном бою с турками, когда погибла половина моего полка, а они погнали нас в это чертово болото, но мы выстояли и ударили им с фланга, но тут мой конь оступился, начал вязнуть, и когда зеленая мерзкая жижа уже полилась в рот, тогда я, задыхаясь, схватил себя за волосы и рванул… И мы взлетели над осокой! Я бы вам и сейчас это показал, господин бургомистр, но уже рука слаба, да и тянуть не за что… (Снимает парик.) Я все напишу, господа! Раз тридцать второе мая никому не нужно, пусть будет так… В такой день трудно жить, но легко умирать… Через пять минут барона Мюнхгаузена не станет. Можете почтить его память вставанием!.. (Направляется к своему кабинету.)

Бургомистр. Ну, ну, дорогой мой. Не надо так трагично! Все будет хорошо. Во всяком случае, весь город перестанет смеяться над вами.

Мюнхгаузен. Не смеяться, а подсмеиваться. Это разные вещи! (Проходит в кабинет,)

Бургомистр (со вздохом облегчения). Фу!.. Кажется, мы его переубедили… Даже не верится… Вспотел, честное слово!

Марта, не слушая его, быстро направляется к кабинету.

Не отвлекайте его, фрау Марта, пусть пишет…

Марта (дергает дверь, она оказывается запертой). Карл! Открой мне! Ты меня слышишь?.. Открой!

Бургомистр (испуганно). Зачем он заперся? (Бежит к двери.) Господин барон, вы меня слышите?.. Господин барон! Немедленно отоприте! Я приказываю!.. Как старший по званию… Господин барон!

Марта (плача, опустилась у двери). Карл! Не надо!.. Умоляю!

Бургомистр (барабанит в дверь). Господин барон! Что вы там делаете?!

Из-за двери раздается громкий выстрел. Марта падает без чувств. Появляется Томас с подносом.

Томас. Фрау Марта, я не расслышал, который час?

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Прошло три года.

И вновь дом барона Мюнхгаузена. Он почти не изменился - те же картины, книги, охотничьи трофеи. Только теперь они приобрели некий музейный вид появились таблички, указывающие на происхождение того или иного “экспоната”. В центре гостиной, возле камина, большой скульптурный портрет, изображающий барона верхом на лошади, разрубленной пополам. Возле скульптуры в позе оратора стоит Рамкопф. Сидя в креслах, его слушают Баронесса и Феофил.

Рамкопф (заглядывая в текст). …Итак, господа, я заканчиваю… Три года прошло с того дня, как перестало биться Сердце барона Мюнхгаузена, и все три года этот прославленный герой живет в сердцах своих благодарных соотечественников. Пусть же этот памятник, который мы устанавливаем в его честь, станет не только символом беззаветной любви города к своему великому сыну… Пусть он будет источником отваги, смелости и родником живительного оптимизма, который никогда но перестанет струиться в душе каждого истинного германца! (Открывает кран, из лошади фонтанчиком бьет вода; Рамкопф подставляет бокал, торжественно выпивает.)

Баронесса. Хорошо! Очень хорошо, Генрих!.. В конце чуть-чуть

высокопарно…

Рамкопф. Дорогая, этого требует торжественность момента… Финальный аккорд!

Баронесса. Ну, может быть, ты и прав… (Сыну.) Как считаешь, Фео?

Феофил не отвечает, закрыл лицо руками.

Что с тобой?.. Ну, ну… Так нельзя! Будь мужчиной!

Феофил (вытирая слезы). Да, конечно, извините меня… Нервы!.. Когда я все это слышу, то вспоминаю… Господи, господи! Как мы были несправедливы к нему, как жестоки…

Рамкопф. Дорогой мой, кто же знал, что так все обернется?.. Мы были искренни в своих заблуждениях. Время открыло нам глаза!

Баронесса. Такова судьба всех великих люден: современники их не понимают!

Феофил. Современники - возможно… По мы-то родственники! Страшно вспомнить: я мечтал о дуэли с отцом. Я хотел убить его! И убил…

Баронесса (властно). Прекрати! Если кто и повинен в его смерти, то прежде всего - фрау Марта! Эта ханжа… Конечно, мы тоже виноваты, но нельзя же теперь всю жизнь казнить себя… Если сегодня вся Германия с благоговением повторяет имя Мюнхгаузена, то в этом прежде всего заслуга нашей семьи. Мы издали полное собрание подвигов барона, его имя присвоено гренадерскому полку… Теперь - этот памятник! Чего ж еще?!

Феофил. Все это не вернет его нам!

Рамкопф. Что поделаешь? С этим придется смириться…

Появляется Томас, делает какие-то знаки Феофилу.

Баронесса. В чем дело, Томас?

Томас. Извините… Господин барон просил предупредить его…

Феофил (возбужденно). Они летят?!

Томас. Летят, господин барон! Сейчас как раз над нашим домом…

Рамкопф (испуганно). Опять? Феофил, вам не надоело?!

Баронесса. Пусть попробует еще раз.

Феофил (схватил ружье и блюдо, подбежал к камину). Да, мама… Еще разок! Сегодня я чувствую вдохновение… Командуй, Томас!

Томас (выглядывая в окно). Минутку, господин барон… Приготовились… пли!!!

Феофил дважды стреляет в камин. Все прислушиваются. Тишина. Феофил в бешенстве швыряет блюдо.

Баронесса. Спасибо, Томас, ты свободен.

Томас. Слушаюсь! (Уходит.)

Рамкопф. Когда-нибудь у меня лопнут барабанные перепонки.

Феофил. Ну почему мне так не везет?! Почему?! Ведь я прекрасный стрелок!

Рамкопф. Слушайте, Фео, а почему бы просто не засунуть туда жареную

утку, а потом дернуть ее за веревочку?.. Барон наверняка так и делал!

Феофил (вспыхнув). Не святотатствуйте, господин Рамкопф!

Баронесса. Не будем ссориться в такой день… Успокойся, Фео! Рано или поздно ты попадешь.

Феофил. Дело же не в утке, мама!

Баронесса. Я все понимаю…

Феофил. Я чувствую, как люди смотрят на меня, как шепчутся: “Это - его сын!” ЕГО! От меня ждут чего-то необычного!

Баронесса. Все придет, ты еще молод. Впрочем, ты уже многого добился: в свои двадцать два года стал ротмистром…

Феофил (перебивая). Дело не в чинах! Я - барон Мюнхгаузен, с меня достаточно и этого звания.

Баронесса. Разумеется! И рано или поздно ты что-то совершишь, достойное своей фамилии. Но не надо торопить события! Извини меня, дорогой, сегодня утром я случайно увидела, как ты стоишь на стуле и тянешь себя за волосы. Это глупо!

Рамкопф. И очень больно…

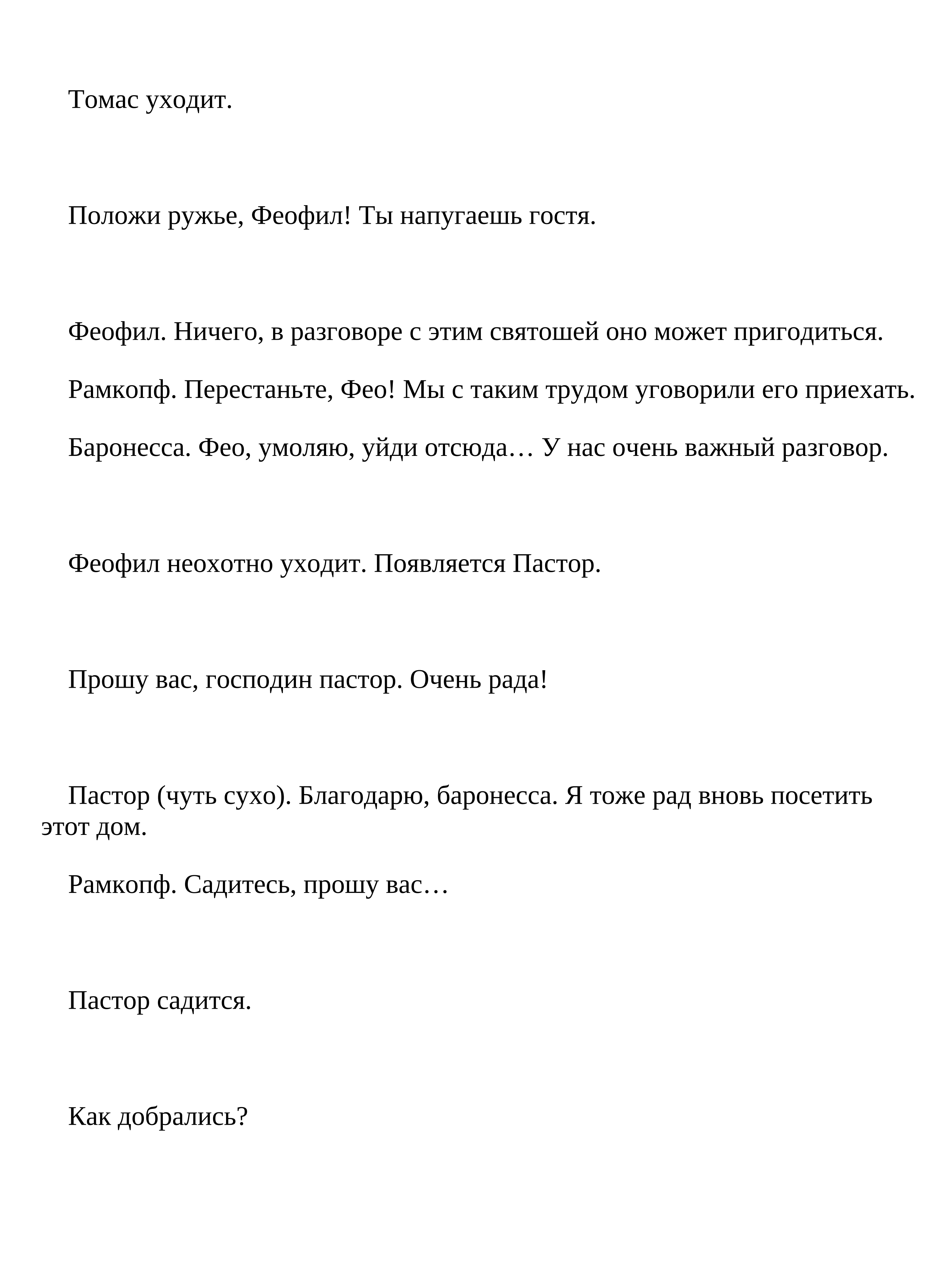
Баронесса (Рамкопфу). Вы тоже пробовали?

Вновь появляется Томас.

Феофил (заметив его, возбужденно). Снова летят?!

Томас. Господин пастор Франц Мусс!

Баронесса. Наконец-то!.. Проси его, Томас!

Томас уходит.

Положи ружье, Феофил! Ты напугаешь гостя.

Феофил. Ничего, в разговоре с этим святошей оно может пригодиться.

Рамкопф. Перестаньте, Фео! Мы с таким трудом уговорили его приехать.

Баронесса. Фео, умоляю, уйди отсюда… У нас очень важный разговор.

Феофил неохотно уходит. Появляется Пастор.

Прошу вас, господин пастор. Очень рада!

Пастор (чуть сухо). Благодарю, баронесса. Я тоже рад вновь посетить этот дом.

Рамкопф. Садитесь, прошу вас…

Пастор садится.

Как добрались?

Пастор. Скверно. Вся ганноверская дорога чудовищно размыта.

Рамкопф. Да, после смерти барона льют такие дожди…

Пастор. Не вижу никакой связи между этими двумя явлениями.

Баронесса. Конечно… (Рамкопфу, строго.) Не говори ерунды, Генрих!

Рамкопф. А что тут такого? Все говорят, что с его уходом климат изменился…

Пастор. Глупое суеверие!

Баронесса. Абсолютно с вами согласна, пастор. Господин Рамкопф пошутил и, как всегда, неудачно!.. И вообще, мне бы не хотелось, чтобы наша беседа начиналась так напряженно… Вы ответили на мое письмо, вы приехали… Вижу в этом знак понимания…

Пастор. Вежливости!

Баронесса. Называйте как хотите… Но вы приехали. Приехали, несмотря на свою занятость и… неприязненное отношение к личности Мюнхгаузена… Не буду вам рассказывать, какие сложные отношения были у нас с мужем. Однако время идет, пастор. Обиды и чудачества забываются. Остается светлая память и всеобщая любовь сограждан, которую вы не можете отрицать.

Пастор. Я и не отрицаю. Я не одобряю ее.

Рамкопф. Но почему?

Баронесса. Да, не одобряете! Не только вы, но и большинство членов духовной консистории. Однако давайте взвесим, кто от этого выигрывает? Популярность барона все равно растет, а оппозиция церкви идет только ей же во вред. Разумно ли это? Не правильней ли проявить милосердие и снять негласное проклятие?

Пастор. Это невозможно!

Рамкопф. Но почему?

Баронесса (раздраженно). Генрих, прекратите выкрикивать один и тот же идиотский вопрос!

Пастор. Ничего! Я постараюсь ответить на все “почему” сразу. Церковь не может изменить своего отношения к барону по многим причинам. Во-первых, он совершил тяжкий грех, лишив себя жизни.

Рамкопф. Неправда! Он погиб случайно, прочищая пистолет… Это - смерть солдата на боевом посту!

Пастор. Так можно оправдать любого самоубийцу: застрелившийся - неумело обращался с оружием, утопившийся - плохой пловец. Но не это главное… Церковь не может признать истинными так называемые подвиги барона. Они результат фантазии и непомерного самомнения. Простой смертный не может свершить ничего похожего… Стало быть, барон либо хвастун и враль, либо… святой?

Рамкопф. А почему бы и нет?

Пастор (гневно). Хватит! И я устал от ваших вопросов!

Баронесса. Сейчас вопрос задан уместно… Нет, нет, избави бог, я не утверждаю, что барон был святым. Было бы нескромно говорить так про собственного мужа… Но согласитесь, что некоторая сверхъестественная сила ему сопутствовала. Иначе как объяснить такое везение во всем? Такую цепь удач? Откуда бы ей взяться?

Пастор. От дьявола, если вам угодно!

Баронесса. Не будем делать поспешных выводов! (Направляется к полкам с книгами.) Вы знаете, пастор, что мы с Генрихом тщательно исследовали все литературное наследие покойного барона. И вот, представьте, нам вдруг встречается эта Библия… (Протягивает Пастору толстую книгу.)

Пастор. Что в ней?

Баронесса. А вы посмотрите… Там, в углу, надпись на иврите… Да, да, не ужасайтесь: “Дорогому Карлу от любящего его…”

Пастор (в ужасе отшвырнул книгу). Чур меня! Кощунство! Неслыханное кощунство.

Баронесса. Возможно… Хотя подпись святого Матфея достаточно разборчива.

Пастор. Мерзкая фальшивка!

Баронесса (успокаивая его). Вероятно… Но как нам быть? Мы обязаны передать такую реликвию на экспертизу. Вы знаете, что в духовной консистории у вас достаточно противников. Дело передадут в Высший церковный совет… Начнутся долгие споры…

Рамкопф. Которые еще неизвестно чем кончатся…

Баронесса. Вот именно! Представьте: победят ваши противники, что тогда? Барон причисляется к лику святых, а его недоброжелатели с позором изгоняются… Поймите, дорогой пастор, речь идет о вашей духовной карьере! Мы вас безмерно любим и уважаем… И меньше всего хотим, чтоб барон вновь посмеялся над вами…

Рамкопф. С иконостаса!..

Пастор (в отчаянии). Боже мой!.. За что такие испытания? Что вы от меня хотите?

Баронесса. Милосердия! Чуть-чуть милосердия… Сегодня начинаются торжества, съезжаются сотни гостей… Было б так приятно, если б сам пастор Франц Мусс принял участие в торжественной литургии, прочитал проповедь на открытии памятника…

Пастор. Нет, никогда!.. Я не смогу… Я не готов!

Рамкопф. Я могу дать вам свой конспект…

Пастор (зло). Как-нибудь обойдусь!

Баронесса. Разумеется… (К Рамкопфу.) Какая бестактность! (Пастору.) Уверена, вы сами найдете нужные слова… А эту Библию мы дарим вам. Лично! Поступайте с ней как сочтете нужным…

Рамкопф (протягивая другую книгу). И в придачу - полное собрание приключений барона.

Пастор. Благодарю. В ней я не нуждаюсь…

Рамкопф. Ну почему? Прекрасное издание… А какие гравюры!

Пастор. Спасибо, я ее уже купил…

Баронесса. Вот и прекрасно!.. А теперь прошу с нами отобедать, пастор. Вам надо подкрепить силы…

Пастор, Баронесса и Рамкопф направляются к дверям.

Боже, как обрадуется Феофил, что мы все уладили… Он ведь хотел вас застрелить!

Пастор (грустно). Жаль, что ему помешали…

Все уходят. Некоторое время сцена пуста. Стенные часы начинают бить. Из левой кулисы быстрой походкой появляется барон Мюнхгаузен. Он очень изменился - сбриты усы, нет пышного парика. Одет он в темный дорожный костюм и широкополую шляпу, которую носили простые горожане. Оглядевшись, Мюнхгаузен замечает свой скульптурный портрет, долго рассматривает его, пускает воду, моет в ней руки и лицо. Появляется Томас с подносом, уставленным многочисленными блюдами.

Томас (радостно). Здравствуйте, господин барон!

Мюнхгаузен (не оборачиваясь). Томас, я же просил больше не называть меня так… Миллер. Господин Миллер.

Томас. Да, да… Здравствуйте, господин Миллер… господин барон.

Мюнхгаузен (улыбнулся, пошел к нему навстречу). Здравствуй, Томас! Здравствуй, мой хороший!

Томас. Разрешите поставить поднос?

Мюнхгаузен. Да, конечно!

Томас ставит поднос, они обнимаются.

Томас. А я ждал… Я знал… Уж когда-когда, а на свою годовщину господин барон обязательно приедет.

Мюнхгаузен. Безусловно! Ты все верно рассчитал.

Томас. Ну, как вы там? Как фрау Марта?

Мюнхгаузен. Все хорошо. Все тихо… Как и должно быть.

Томас. Слышал, у вас сын родился?

Мюнхгаузен. Да. Уже два года.

Томас. Бегает вовсю?

Мюнхгаузен. Ходит…

Томас. Болтает?..

Мюнхгаузен. Молчит.

Томас. Умный мальчик, далеко пойдет…

Мюнхгаузен. Я тоже так считаю. (Оглянулся на столовую, из которой послышались голоса.) Там гости?

Томас. Пастор приехал.

Мюнхгаузен. Понятно… Томас, будь добр, вызови тихонько Якобину.

Томас. Сказать как обычно?

Мюнхгаузен. Да… Миллер! Господин Миллер…

Томас. Слушаюсь. (Уходит и вскоре возвращается в сопровождении Баронессы.)

Баронесса (испуганно оглядевшись). Карл! Бог мой, какое безрассудство! Среди бела дня! Тебя могли увидеть!

Мюнхгаузен. Ничего страшного - сочтут за обыкновенное привидение… Якобина, мне надо срочно поговорить с тобой и Рамкопфом.

Баронесса. Сегодня?! Ты с ума сошел! Сегодня - годовщина, полно дел… Вечером мы открываем тебе памятник!

Мюнхгаузен. Знаю, читал… Но перед этим надо встретиться! В четыре часа жду вас в роще за городом.

Баронесса. Карл, а нельзя ли перенести?.. (Осеклась). Карл, зачем ты приехал?.. Ты хочешь испортить нам праздник? Это нечестно! Ты обещал…

Мюнхгаузен (твердо). Мне надо с вами поговорить!

За сценой слышен голос Феофила: “Мама! С кем ты?”

Баронесса. Карл, спрячься! Умоляю! Ты убьешь его…

Мюнхгаузен прячется за скульптуру. Появляется Феофил.

Феофил (Баронессе). С кем ты разговариваешь?

Баронесса (кивнув на Томаса). Разве ты не видишь?.. Томас, пошевеливайся. Господин пастор голоден! (Уходит в столовую.)

Томас. Слушаюсь, госпожа баронесса! (Берет поднос.)

Феофил останавливает его.

Феофил. Томас, голубчик мой… Давно хотел тебя спросить… Только ответь мне чистую правду. Ты ведь не подкладывал уток в камин?

Томас. Нет, господин барон.

Феофил. Он просто стрелял, а они падали?

Томас. Падали.

Феофил. А потом он брал жареных и они взлетали?.. Вот так? (Схватил с подноса жареную утку, подбросил, та шлепнулась на пол.) Так?!

Томас. Не совсем…

Феофил (в отчаянии). Господи, почему ж у меня не получается? Почему?! (Убегает.)

Мюнхгаузен выходит из-за укрытия.

Мюнхгаузен (посмотрев вслед Феофилу). Бедный юноша, совсем

свихнется… (Подняв утку, задумался, подошел к окну, размахнулся.)

Томас (печально). Не стоит, господин барон.

Мюнхгаузен (обернулся). Думаешь?.. Да, пожалуй… (Швырнул утку на пол и быстро вышел.)

Томас проводил его глазами, поднял утку, стряхнул пыль, положил на блюдо и торжественно понес в столовую.

Затемнение

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Роща за городом. На одном из деревьев, прячась за ветками, сидит Фельдфебель.

Появляется Мюнхгаузен. Огляделся, заметил кого-то в глубине рощи, сложил руки рупором, закричал.

Мюнхгаузен. Э-эй!

Фельдфебель (вторя ему). Э-эй!

Мюнхгаузен. Господин бургоми-и-истр!

Фельдфебель (вторит). Господин бургоми-и-истр!

Мюнхгаузен (поднял голову, заметил Фельдфебеля). Ты что, с ума сошел?

Тот испуганно молчит.

Я тебе говорю… Ты кто?

Фельдфебель. А ты?

Мюнхгаузен. Я - садовник Миллер.

Фельдфебель. Фу, черт возьми… А я напугался, думал - кто-то из гостей. Ты что тут делаешь?

Мюнхгаузен. Гуляю.

Фельдфебель. Запрещено! Здесь место охоты его величества герцога.

Мюнхгаузен. Так ты его дразнишь?

Фельдфебель. Чего?.. (С достоинством.) Я - эхо!

Мюнхгаузен. Понятно… Глотку сорвешь.

Фельдфебель. Выдержит. Она у меня луженая… У меня дед служил эхом еще при ландграфе Гессенском.

Мюнхгаузен. Ах, так?.. Наследственный промысел?.. Ну-ну.

Быстро входит Бургомистр, радостно бросается к Мюнхгаузену.

Бургомистр. Карл! Дорогой мой!

Фельдфебель (вторит). Карл! Дорого-ой мо-ой!

Бургомистр (Фельдфебелю). Пошел вон! Я же приказал, чтоб это было только после пяти вечера… Передай приказ по цепи!

Фельдфебель. Слушаюсь! (Уходит.)

Бургомистр. С ума тут сойдешь! С этой княжеской охотой столько возни… Его величество любит эхо, его величество обожает запах полыни… Где я ему сейчас возьму запах полыни?! Привезли из Пруссии трех отличных кабанов! Так нет - его величество мечтает подстрелить медведя… Барон, где вы брали медведей?

Мюнхгаузен. Уже не помню. Кажется, в лесу.

Бургомистр. Черта с два! Они здесь давно перевелись… (Вздохнув.) Придется ехать в Ганноверский зоопарк… Ну, да бог с ними со всеми! Я действительно очень рад вас видеть, барон!

Мюнхгаузен. Взаимно. Только, если вам не трудно, называйте меня по-новому: Миллер!

Бургомистр. Бросьте… для меня вы - барон Мюнхгаузен.

Мюнхгаузен. Тогда добавляйте: “покойный” или “усопший”… Как удобней!

Бургомистр. Нет, уж лучше - Миллер! Кстати, что за странная фамилия?

Мюнхгаузен. Самая обыкновенная. В Германии иметь фамилию Миллер - все равно что не иметь никакой.

Бургомистр. Как всегда, шутите?

Мюнхгаузен. Давно бросил. Врачи запрещают…

Бургомистр. А говорят, юмор - полезен… Продлевает жизнь.

Мюнхгаузен. Не всем! Тому, кто смеется, продлевает; тому, кто острит, укорачивает…

Бургомистр. С каких это пор вы стали ходить по врачам?

Мюнхгаузен. Сразу после смерти. При жизни было абсолютно некогда поболеть, но теперь… Они нашли у меня подагру, катар верхних и нижних путей и мигрень. У вас бывает мигрень?

Бургомистр. Слава богу, нет.

Мюнхгаузен. Заведите! Всякий современный человек должен иметь мигрень… Прекрасная тема для беседы!

Бургомистр. Заведу!.. А сейчас ужасно хочется выпить… Надо же отметить встречу… Здесь, где-то возле березы, должен быть родник. (Ищет.) А! Вот он!.. Под камнем!.. (Достает спрятанные бокалы, наполняет их.) Рекомендую! Настоящее бургундское…

Мюнхгаузен. Благодарю!

Оба пьют.

Бургомистр. Ах, дорогой, как я скучаю без вас… Черт бы нас всех подрал, не умеем ценить истинных друзей. Понимаем их значение, когда они уходят от нас навсегда… Давайте-ка еще выпьем! (Наполняет бокалы.) Как у вас дома? Все хорошо?

Мюнхгаузен. Да, все прекрасно. Марта растит сына, я развожу розы.

Бургомистр. Прекрасный цветок!

Мюнхгаузен. Главное - выгодный!.. Сегодня он идет по талеру за штуку… А если учесть количество свадеб, юбилеев, премьер, то на нем можно неплохо заработать… Вы знаете, только мои похороны дали мне чистых две тысячи…

Бургомистр. Что вы говорите?

Мюнхгаузен. А вы как думали… Жаль, вы не видели мой дом, он вдвое больше, чем был… А мебель? Павловская, из России, это сейчас модно…

Держу четыре экипажа!..

Бургомистр. Боже мой, кто бы мог подумать?.. Однако сами вы одеты, прямо скажем… скромно.

Мюнхгаузен. Не хочу пускать пыль в глаза. Начнутся разговоры: простой садовник, а живет лучше барона… Мне это ни к чему!.. Поэтому хожу в холстине… Зато белье! (Распахивает рубаху.) Батист с золотым шитьем! Можете потрогать…

Бургомистр. Блеск! И все это дали розы?

Мюнхгаузен. Они!.. Но не думайте, что это просто… Цветок капризный, много возни… Однако есть секрет… Все зависит от правильной поливки… Я вам сейчас расскажу… Значит, так. Берешь семена, высеиваешь их в маленькие горшочки и поливаешь по такой системе: первая неделя - три поливки, вторая неделя - две поливки, третья неделя - одна поливка, после этого взрыхляется почва…

Бургомистр (кивает). Да, да. (Неожиданно кричит.) Ну где я ему достану медведя? Где?!

Мюнхгаузен. …и ростки пересаживаются туда… Но!.. Система поливок в корне меняется: первая педеля - одна поливка, вторая - две поливки… Вы меня слушаете?

Бургомистр. Разумеется. Я весь - внимание! Может быть, еще выпьем?

Мюнхгаузен. С наслаждением! Родник не иссякнет?

Бургомистр. Плевать! Пророем другой… (Наливает.)

Оба пьют.

Мюнхгаузен. …Третья педеля - три поливки. И после - обратно в горшочки. Тут уж никаких поливок - неделю цветок не должен пить!

Бургомистр. Кошмар!.. У меня началась мигрень!

Мюнхгаузен. Наконец-то!.. Поговорим о мигрени…

В роще появляются Рамкопф и Баронесса. Одеты они торжественно: он - в нарядном красном камзоле, она - в длинном черном платье и шляпе с вуалью.

Бургомистр. Извините, Миллер, придется прервать эту интересную беседу. Буду вам признателен, если вы напишете мне про поливки и мигрень в подробном письме. (Поднимается навстречу пришедшим.) Господа, счастлив вас видеть. Как всегда, прекрасно выглядите: красное с черным - бездна вкуса!.. А это - наш дорогой Миллер. Надеюсь, вы уже виделись?

Баронесса. Да. Господин Миллер, у нас очень мало времени, поэтому сразу перейдем к делу. Что вам угодно?

Бургомистр. Да, Карл… Кстати, а зачем ты приехал?

Мюнхгаузен. А может, еще по бокалу лесной воды?

Рамкопф. Нам некогда!

Мюнхгаузен. Ну ладно… К делу так к делу… Итак, господа, я пригласил вас, чтобы сообщить пренеприятное известие… (Улыбнулся.) Черт возьми, отличная фраза для начала пьесы… Надо будет кому-нибудь предложить…

Баронесса (строго). Карл, если можно, не отвлекайтесь.

Мюнхгаузен. Постараюсь… Это все ваш родник, бургомистр! Совершенно разучился пить… Итак, дорогие мои бывшие родственники и друзья, как вам известно, три года назад по обоюдному согласию я ушел из этой жизни в мир иной и между нами было заключено джентльменское соглашение о том, что ни я, ни вы меня беспокоить не станем. Я условия этого соглашения соблюдал честно, чего нельзя сказать про вас…

Рамкопф. Но, Карл…

Мюнхгаузен (перебивая). Оправдания - потом!.. Пока вы хоронили мое бренное тело, я старался не обращать внимания, но когда вы стали отпевать мою душу…

Бургомистр. Я не понимаю, о чем речь?

Мюнхгаузен. Об этом! (Достает книгу.) “Полное собрание приключений барона Мюнхгаузена”.

Рамкопф. Что ж вам не нравится? Прекрасное издание!

Мюнхгаузен. Это не мои приключения, это не моя жизнь. Она приглажена, причесана, напудрена и кастрирована!

Рамкопф. Не согласен! Обыкновенная редакторская правка!

Мюнхгаузен (не слушая). Но и с этим я бы смирился! Однако в этой книге приключений вдвое больше, чем я совершил на самом деле. Когда меня режут, я терплю, но когда дополняют - становится нестерпимо! Какая-то дурацкая экспедиция на Борнео, затем чудовищная война в Австралии…

Рамкопф. Да поймите наконец, что вы уже себе не принадлежите. Вы - миф, легенда! И народная молва приписывает вам новые подвиги.

Мюнхгаузен. Народная молва не додумается до такого идиотизма.

Рамкопф. Ну знаете ли…

Мюнхгаузен. Да, господин Рамкопф! Вам как автору это неприятно слушать, но придется. Я был в Австралии, но я дружил с аборигенами, а не воевал.

Рамкопф. А я считаю, что воевал!

Мюнхгаузен. Спор бессмыслен! Одним словом, я требую изъятия этой вздорной книги!.. Теперь о памятнике, который вы мне собираетесь установить… Он мне не нравится!

Баронесса (зло). Извини, мы с тобой не посоветовались!

Мюнхгаузен. И напрасно! Я бы мог помочь… Впрочем, сама скульптура еще ничего, но те барельефы, которые под ней, - омерзительны. Взять хотя бы картину, где я шпагой протыкаю десяток англичан…

Бургомистр. Но, дорогой, вы же воевали с Англией?

Мюнхгаузен. Вы знаете, что в этой войне не было пролито ни капли крови.

Рамкопф. А я утверждаю, что было! У меня есть очевидцы…

Мюнхгаузен. Я никогда не шел с таким зверским лицом в атаку, как изображено, и не орал: "Англичане - свиньи". Это гадко! Я люблю англичан, я дружил с Шекспиром… Короче, я запрещаю ставить себе этот памятник!

Бургомистр. Послушайте, Карл, мне очень неприятен этот разговор… Наверное, мы все виноваты перед вами, наверное, допущен ряд неточностей. Но поверьте, это произошло только от безмерной любви и уважения. Рамкопф прав: вы уже себе не принадлежите. Вы - наша гордость, на вашем примере мы растим молодежь. Поэтому мы возводим этот памятник-фонтан. Бог с ними, с неточностями… Через год воздвигнем другой, более достоверный.

Мюнхгаузен. Нет!

Бургомистр. Но сейчас мы просто не успеем переделать… Съехались гости… Завтра - тридцать второе мая.

Мюнхгаузен. Именно поэтому памятник не годится!

Рамкопф. Да что за спешка?! Вы словно с цепи сорвались…

Мюнхгаузен. Так оно и есть. Больше терпеть нельзя… (Грустно.) От меня ушла Марта.

Бургомистр. Как?.. Вы ж сказали, что у вас все хорошо…

Мюнхгаузен. Первый год было хорошо, второй очень хорошо, а на третий она сбежала…

Бургомистр. Сбежала от такого богатства?

Мюнхгаузен. Именно! Имея четыре экипажа и дом, она ушла пешком и на улицу…

Баронесса. Так все дело в этом?.. Ну, тогда не страшно… Мы ее уговорим…

Мюнхгаузен. Нет! Вы ее плохо знаете… Чтоб вернуть ее, придется вернуть себя.

Рамкопф. Как это понимать?

Мюнхгаузен. Я решил воскреснуть.

Пауза.

Бургомистр. Вы этого не сделаете, Карл!

Мюнхгаузен. Сделаю! Если вы так настаиваете на памятнике, то лучше уж я сам залезу на пьедестал.

Баронесса. Вы умерли, барон Мюнхгаузен. Вы похоронены, у вас есть могила.

Мюнхгаузен. Придется снести!

Бургомистр. Я прикажу не пропускать вас в город!

Мюнхгаузен. Тогда я передам дело в суд.

Рамкопф. Вы проиграете процесс!

Мюнхгаузен. Посмотрим!

Бургомистр. А пока я вынужден вас арестовать как самозванца! Бургомистр не может позволить всяким садовникам посягать на святые имена!

Мюнхгаузен (печально). Вы изменились за эти годы, бургомистр!

Бургомистр. А вы, к сожалению, этого не сделали… (Кричит.) Фельдфебель!

Из-за кулис несется эхо: “Фельдфебель! Фельдфебель!” Вбегает Фельдфебель.

Арестуйте этого господина!

Фельдфебель. Слушаюсь! (Выхватывает шпагу.) Я ему говорил, что здесь гулять запрещено… (Подходит к Мюнхгаузену, вглядывается.) Господи, да ведь это…

Бургомистр. Кто?!

Фельдфебель. Да ведь это…

Бургомистр. Кто?!

Фельдфебель. Не могу знать!

Эхо вторит ему из-за кулис.

Затемнение

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Помещение Ганноверского суда.

В центре, лицом к зрителям, - ганноверский Судья. Справа от него Рамкопф. Чуть спереди - скамья для свидетелей, на ней Баронесса, Феофил, Бургомистр. Слева, под охраной Фельдфебеля, - Мюнхгаузен.

Сначала все стоя дослушивают последние аккорды гимна, который исполняет Музыкант на клавесине, затем все рассаживаются.

Судья. Начинаем второй день судебного заседания по делу садовника Миллера. Слово - представителю обвинения. Прошу вас, господин Рамкопф.

Рамкопф. Уважаемый суд! Могу смело сказать, что за процессом, который происходит в нашем городе, с затаенным дыханием следит сегодня вся Европа. Популярность покойного барона Мюнхгаузена столь велика, что, естественно, появилось немало мошенников, стремящихся погреться в лучах его славы. Один из них сидит передо мной на скамье подсудимых. Воспользовавшись своим внешним сходством с покойным бароном, овладев его походкой, голосом и даже отпечатками пальцев, подсудимый коварно надеется, что будет признан тем, кем не является на самом деле. Уже вчера мною приводились неопровержимые факты, отвергающие эти притязания: справка о смерти барона, выписка из церковной книги, квитанция на гроб! Все это подсудимый считает неубедительным… Что ж?.. Доведем расследование до конца. Послушаем голоса родных и близких… Вызываю в качестве свидетельницы баронессу Якобину фон Мюнхгаузен!

Судья. Баронесса, прошу вас подойти сюда.

Баронесса подходит.

Поклянитесь на Святом писании говорить только правду.

Баронесса. Клянусь!

Рамкопф. Свидетельница, посмотрите внимательно на подсудимого. Знаком ли вам этот человек?

Баронесса. Да.

Рамкопф. Кто он?

Баронесса. Садовник Миллер.

Рамкопф. Откуда вы его знаете?

Баронесса. Он поставляет цветы на могилу моего супруга.

Рамкопф. Простите за такой нелепый вопрос: а не похож ли он на покойного барона? Присмотритесь повнимательней…

Баронесса. Некоторое сходство есть, но очень незначительное. Карл был выше ростом, шире в плечах… другой взгляд… Он носил усы.

Рамкопф. Усы можно отрастить.

Баронесса. Можно отрастить бороду - все равно я не признаю в нем Мюнхгаузена!

Рамкопф. Благодарю вас! У меня больше нет вопросов.

Судья. Подсудимый, вы хотите задать вопрос свидетельнице?

Мюнхгаузен. Да, господин судья. (Встает.) Простите, сударыня, как вас зовут?

Баронесса. Не понимаю.

Мюнхгаузен. Меня интересует ваше имя!

Рамкопф. Протестую!

Мюнхгаузен. Почему? Это тайна?

Баронесса. Мое имя, сударь, Якобина фон Мюнхгаузен!

Мюнхгаузен. А как вы можете доказать, что вы та, за кого себя выдаете?

Рамкопф. Протестую!

Судья. Отвожу ваш протест, обвинитель! (Мягко.) Подождите, это интересно…

Мюнхгаузен. Я спрашиваю: чем вы можете доказать, что вы баронесса Якобина фон Мюнхгаузен, супруга знаменитого барона?

Баронесса. По-моему, это излишне доказывать. Меня тут все знают… Есть бумаги, документы… Это - издевательство!

Мюнхгаузен. Отнюдь! Я иду тем же логическим путем, что и наш уважаемый суд… Документы ничего не доказывают, они могут быть присвоены, свидетели могут ошибаться - вы очень похожи на настоящую баронессу…

Баронесса. Что значит “похожа”? Я есть я!

Мюнхгаузен. Это надо доказать!.. Если взять портреты баронессы, те, что висят в спальне и гостиной, то свидетельница на них мало похожа… Та баронесса и моложе, и красивей. Если взять платья баронессы, то свидетельница в них просто не влезет!

Баронесса. Влезу!

Мюнхгаузен. Но каким путем?! В двойном корсете! Честный человек так поступать не станет!..

Рамкопф. Неслыханно! Я протестую!

Судья. Протест принимается. Вы свободны, баронесса.

Мюнхгаузен. Я протестую! До тех пор, пока не установлена личность свидетельницы, вы не должны называть ее баронессой…

Судья. Успокойтесь, подсудимый! Лишаю вас слова! (Баронессе.) Вы свободны… сударыня.

Возмущенная Баронесса проходит на свое место.

Рамкопф. Вызываю в качестве свидетеля господина Феофила фон Мюнхгаузена.

Феофил (испуганный и взволнованный, выходит вперед, кладет руку на Библию). Клянусь!

Мюнхгаузен. В чем?

Судья. Подсудимый, вопросы потом! (Феофилу.) Вы клянетесь говорить правду, не так ли?

Феофил. Да.

Рамкопф. Господин барон, знаете ли вы подсудимого?

Феофил. Нет.

Рамкопф. Можете ли вы хоть отдаленно признать в нем своего покойного родителя?

Феофил. Никогда!

Рамкопф. Достаточно! Я прошу суд избавить ранимую душу юноши от дальнейших расспросов.

Мюнхгаузен. Почему же? Я бы тоже хотел кое о чем спросить.

Судья. Подсудимый, если вы еще раз собираетесь поставить под сомнение личность свидетеля…

Мюнхгаузен (перебивая). Нет, нет, к сожалению, это действительно мой сын.

Рамкопф. Протестую!

Мюнхгаузен. Извините - сын барона!.. Хотя это звучит также парадоксально. Но очевидно, в этом есть какое-то непонятное свойство природы: вино переходит в уксус, Мюнхгаузен - в Феофила…

Судья. Говорите по существу!

Мюнхгаузен. Да, да… Это я и собираюсь. Я хочу спросить у молодого барона: что вы знаете о своем отце?

Феофил. Не понимаю…

Мюнхгаузен. Ну, каким он был?

Феофил. Он был героем!

Мюнхгаузен. Так.

Феофил. Он был путешественником, охотником…

Мюнхгаузен. Еще?..

Феофил (неуверенно). Ну… еще… кавалеристом…

Мюнхгаузен. Все?

Судья. Не понимаю, что вы хотите от свидетеля?

Мюнхгаузен. Я хочу обратить внимание суда на то, что свидетель знает о бароне только то, что напечатано в книжке.

Феофил. Неправда!

Мюнхгаузен. Тогда свидетель, может быть, сообщит об отце свои личные наблюдения?.. Что он пил по утрам: чай или молоко? Какой предпочитал табак? Какую песню любил напевать, возвращаясь с охоты? О чем мечтал?..

Феофил молчит.

Нет, свидетель ничего этого не знает… С детства он был отгорожен матерью от губительной дружбы с отцом и, будучи послушным мальчиком, не искал этой дружбы. Может ли теперь он узнать или не узнать меня? Его память об отце но больше, чем память табуретки о дубовой роще…

Феофил (вспыхнув). Ненавижу! Дуэль! Немедленно! Стреляться через платок!

Рамкопф. Протестую!

Судья. Прекратить! Свидетель, вы свободны.

Феофил. Дуэль! Я прошу дуэль!

Судья. Вы не можете стреляться с обвиняемым: вы - барон, он - садовник. Сядьте на место!

В отчаянии Феофил садится на свое место.

Рамкопф. Прошу господина бургомистра.

Бургомистр. Извиняюсь, господин Рамкопф, но я бы хотел уклониться от этой неприятной обязанности.

Судья. Это невозможно! Вы были другом покойного барона, ваши показания необходимы.

Бургомистр. Господин судья, я старый человек. Избавьте меня от этой муки… У меня слабые глаза и совершенно ненадежная память. Я могу ошибиться…

Судья. Но вы узнаете в подсудимом барона или нет?

Бургомистр. Не знаю!.. Честное слово… Иногда мне кажется, что это он, иногда - нет… Могу ли я полагаться на свои личные ощущения в таком важном деле?.. Полностью доверяю суду. Как решите, так и будет!

Баронесса. Какой позор! И это - наш бургомистр!

Бургомистр. Извините, баронесса… Извините, подсудимый… Я - на службе. Если решат, что вы Мюнхгаузен, я упаду вам на грудь, если Миллер посажу за решетку. Вот все, что я могу для вас сделать…

Судья. Садитесь, свидетель.

Бургомистр садится.

Господин обвинитель, у вас все?

Рамкопф. По-моему, достаточно.

Судья. Подсудимый, нет ли у вас свидетелей в вашу защиту?

Мюнхгаузен. Слуга Томас.

Рамкопф. Протестую! Мы устанавливаем личность барона, и показания свидетелей низкого происхождения не имеют юридической силы.

Судья. Протест удовлетворен. (Мюнхгаузену.) Других свидетелей нет?

В суд вбегает Марта.

Марта. Есть, ваше превосходительство!

Рамкопф. Прошу сделать перерыв! Мне плохо…

Судья. Объявляется перерыв на десять минут! (Начинает собирать бумаги.)

Фельдфебель уводит Мюнхгаузена. Рамкопф бросается к Марте.

Рамкопф. Фрау Марта, зачем вы явились?

Марта. Я хочу сказать правду.

Рамкопф (взволнованно). Будьте благоразумны. Если он раскается, мы добьемся помилования. Иначе - десять лет тюрьмы. Подумайте!

Марта (твердо). Я скажу правду!

Рамкопф (зло). Тогда мы и вас привлечем к ответственности как лжесвидетеля!

Баронесса (подойдя к ним). Успокойся, Генрих! Если человек хочет сказать правду, он имеет на это право. (Марте.) Мне бы только хотелось знать, какую правду вы имеете в виду?

Марта. Правда одна.

Баронесса. Правды вообще не бывает. Правда - это то, что в данный момент считается правдой… Хорошо! Вы скажете суду, что он - Мюнхгаузен. Но разве это так?.. Этот сытый торговец, этот тихий семьянин - Мюнхгаузен?.. Побойтесь бога!.. Нет, я не осуждаю вас, фрау Марта, наоборот - восхищаюсь. За три года вам удалось сделать из моего мужа то, что мне не удалось и за двадцать. Но теперь, когда мы совместными усилиями добились успеха, зачем начинать все сначала?

Марта. Я люблю его.

Баронесса. И поэтому ушли из дома? И только поэтому?

Марта. У каждого своя логика, сударыня. Вы понимаете, что можно выйти замуж не любя. Но чтобы уйти любя - вам понять не дано!

Баронесса (вспыхнув). А что она ему дала, ваша любовь? Серую жизнь, теперь - скамью подсудимых… А завтра - тюрьму или… смерть!

Марта. Смерть?

Рамкопф. Имейте в виду, фрау Марта, если судебное расследование зайдет в тупик, мы будем вынуждены пойти на крайнюю меру. Мы проведем экспертизу! Бросим его в болото или заставим прокатиться на ядре… На настоящем ядре, Фрау Марта!

Марта (печально). Господи! Неужели вам обязательно надо убить человека, чтобы понять, что он - живой?..

Рамкопф. У нас нет выхода. А теперь, когда вы знаете все, решайте… (Кричит за сцену.) Фельдфебель, приведите подсудимого!

Баронесса (Марте). И мой вам совет - не торопитесь стать вдовой Мюнхгаузена. Это место пока занято.

Фельдфебель вводит Мюнхгаузена.

Пойдем, Генрих! Оставим садовника с женой наедине.

Баронесса и Рамкопф уходят. Рамкопф по пути останавливает Фельдфебеля.

Рамкопф (Фельдфебелю). Будь здесь. И запомни все, о чем говорили.

Фельдфебель. Слушаюсь! (Прячется за клавесин.)

Марта и Мюнхгаузен бросаются навстречу, говорят, перебивая друг друга.

Марта. Карл, милый мой, родной, хороший…

Мюнхгаузен. Марта, поздравь! Я оживаю…

Марта. Прости меня.

Мюнхгаузен. За что? Все было сделано великолепно. Я просыпаюсь, в доме никого нет, только записка: “Прости, дорогой, но мне все осточертело!” Лучшее любовное послание за всю мою жизнь.

Марта. Если хочешь, давай вернемся… Я согласна терпеть.

Мюнхгаузен. Меня?! “Две поливки, три поливки…” Опять жить этой растительной жизнью? Никогда!

Марта. Тебе грозит тюрьма.

Мюнхгаузен. Чудное место! Там Овидий и Сервантес, мы будем перестукиваться…

Марта (печально). Карл, ты не знаешь самого главного… Они ни перед чем не остановятся. Они придумали какую-то страшную экспертизу…

Мюнхгаузен (радостно). Наконец-то! Настоящее дело! Это я и сам хотел предложить. Ты не представляешь, как мне надоел этот суд! Чем я занимаюсь? Крючкотворствую, цепляюсь за слова… Дело! Докажем делом!

Марта (кричит). Они убьют тебя! Понимаешь? Убьют насмерть!

Мюнхгаузен (растерянно). Насмерть?.. Зачем?.. (Задумался.) Впрочем, этого надо было ожидать… Ты знаешь, Марта, почему я перестал быть

Мюнхгаузеном? Потому что тогда в кабинете, три года назад, выстрелил в воздух. Такой отличный стрелок, а в себя не попал… Они мне этого никогда не простят… Что ж… Будем честными до конца!

Марта. Нет, милый. На это я не соглашусь. Видно, уж такая моя судьба: в самый трудным момент - отступать. Я буду свидетельствовать, что ты - Миллер. Я предам тебя!

Мюнхгаузен (грустно). Не делай этого, Марта.

Марта (обреченно). Ты - Миллер, садовник, я - твоя жена Марта Миллер, нас обвенчали в сельской церкви, у нас родился мальчик…

Мюнхгаузен (сжал ей руку). Тихо! Не торопись… (Оглянулся на подслушивающего Фельдфебеля.) Господин фельдфебель, вам хорошо слышно?

Фельдфебель. Не очень.

Мюнхгаузен. Сейчас мы подойдем поближе. (Марте.) Пойдем, милая. Надо все спокойно обсудить.

Они подходят к клавесину. Марта и Мюнхгаузен садятся за клавесин, начинают тихо играть в четыре руки. Это какая-то странная, печальная мелодия. Фельдфебель изумленно наблюдает за ними. Вбегает Рамкопф.

Рамкопф. Что это? Зачем?

Фельдфебель. Не могу знать! Они как-то не по-нашему разговаривают.

Музыка звучит громче и тревожней.

Затемнение

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Поляна в березовой роще. Здесь, в глубине сцены, на возвышении установлена огромная пушка. Возле нее - ядра, бочки с порохом. К стволу пушки приставлена лестница. Пушку охраняет Фельдфебель. В кустах стоит клавесин. За ним Музыкант. Появляется Томас с большим узлом. Подходит к Фельдфебелю.

Томас. Скоро начнут?

Фельдфебель. Скоро.

Томас (оглядев пушку). Какой калибр?

Фельдфебель. Тридцать дюймов.

Томас. Нормально! (Показав узел.) Вот собрал ему кое-что в дорогу… Как думаешь, разрешат?

Фельдфебель. Разрешат. Путь-то не близкий… (Смотрит на небо.) Как он доберется?.. Облака… Луны не видно.

Томас. Когда видно, и дурак долетит. Барон любит, чтоб потруднее.

За сценой шум. Вбегает Феофил, за ним - Баронесса и Рамкопф.

Баронесса. Фео, успокойся! Умоляю!

Феофил. Оставьте меня! (Решительно направляется к пушке.)

Фельдфебель преграждает ему путь.

Фельдфебель. Туда нельзя, господин барон!

Феофил. Пропустите! Я имею право!

Баронесса. Фео, не сходите с ума!

Феофил. Хватит! Я всю жизнь не сходил с ума… Мне это надоело. А вдруг он долетит и мы снова в дураках? Нет! Такой случай упускать нельзя. Я полечу вместе с ним!

Рамкопф. Не будьте идиотом! Во-первых, вы вдвоем не поместитесь… Во-вторых… (Огляделся.) Есть одно обстоятельство… Никакого полета не будет…

Феофил. Что это значит?

Рамкопф. Это судебная тайна… Я не хотел ее разглашать. Но, видно, придется… Мы положили сырой порох….

Феофил. Зачем?

Рамкопф. Ну, не убийцы же мы в самом деле… Он пролетит не больше двух саженей и шлепнется на землю. Все посмеются…

Феофил. Какая низость! (Рамкопфу.) Да вы подлец! (Выхватил шпагу.) Защищайтесь!

Рамкопф (кричит). Тихо! Если вы способны хоть немного думать, подумайте!.. Мы же спасем его!.. Убедится, что он Миллер, и вернется к своим цветочкам… Или вы хотите его смерти?!

Феофил (после паузы). Нет, Рамкопф… Я не хочу его смерти. И главным образом потому, что вы будете стоять в почетном карауле.

Они с ненавистью смотрят друг на друга. Входят Судья и Пастор.

Судья. Все готово, господин Рамкопф?

Рамкопф. Да, ваше превосходительство! (Фельдфебелю.) Приведите подсудимого!

Фельдфебель. Слушаюсь! (Уходит.)

Рамкопф (Судье). Пока все идет по плану… Ровно в семнадцать ноль-ноль залп, затем танцы, народное гулянье…

Судья. Очень хорошо! (Всем.) Господа, прошу отойти на безопасное расстояние. И во время экспертизы соблюдать полное спокойствие!

Пастор. Господи, прости всех нас!

Все отходят. Появляется заплаканная Марта, встает рядом со всеми.

Рамкопф. Фрау Марта, вы принесли ходатайство о помиловании?

Марта. Да. (Протягивает бумагу.)

Рамкопф. Ну-ка… (Читает.) “…Ваше величество, я, Марта Миллер, припадаю к вашим стопам…” Так… так… “Мой ненормальный муж…” Так. Все очень хорошо! (Дает ей перо.) Вот тут распишитесь. Здесь - число… Сегодня тридцать второе.

Марта. Господин Рамкопф, разрешите хоть поставить другую дату.

Рамкопф. Нет, нет… Во всем должна быть точность!

Марта. Но вы обещаете… Он не погибнет?

Рамкопф. Ну разумеется. Я же объяснял. Максимум - легкие ушибы…

Марта подписывает бумагу. Фельдфебель вводит Мюнхгаузена.

Судья. Подсудимый! Объявляю вам наше решение: Ганноверский суд в целях установления вашей личности и во избежание судебной ошибки предлагает вам повторить при свидетелях известный подвиг барона Мюнхгаузена - полет на Луну!.. Вам понятны условия экспертизы?

Мюнхгаузен. Да, ваше превосходительство. Тем более что это уже и приговор.

Судья. Вы еще имеете право отказаться.

Мюнхгаузен. Нет, я согласен.

Пастор. Сын мой, это испытание очень опасно. Вы не хотите исповедаться?

Мюнхгаузен. Нет! Я это делал всю жизнь, мне никто не верил.

Пастор. Прошу вас, облегчите свою душу…

Мюнхгаузен. Это случилось само собой, пастор! У меня был друг - он меня предал, у меня была любимая - она отреклась. Я улетаю налегке…

Марта. Прости меня, Карл! Я это сделала ради нашей любви!

Мюнхгаузен. Наверное… Но я как-то перестал в нее верить. Помнишь, когда мы были у Архимеда, он сказал: “Любовь - это теорема, которую надо каждый день доказывать!” Скажи мне что-нибудь на прощанье!

Марта. Что?

Мюнхгаузен. Подумай. Всегда найдется что-то важное для такой минуты…

Марта. Я буду ждать тебя…

Мюнхгаузен. Нет, нет, не то…

Марта. Я очень люблю тебя!

Мюнхгаузен. Не то!

Марта (кричит). Карл! Они положили сырой порох!

Баронесса. Мерзавка! Убийца!

Пастор. Что вы наделали, Марта!

Мюнхгаузен (повысив голос). Отстаньте от нее!.. Молодец, Марта!.. Пусть завидуют!.. У кого еще есть такая женщина?! (Рамкопфу.) Как это понять, господин Рамкопф? За такие шуточки на фронте вешали!

Судья. Подсудимый, ведите себя…

Мюнхгаузен (перебивая). Я веду себя достойно, ваше превосходительство! Чего не скажешь о судьях! Впрочем, я и не надеялся на вашу честность… (Томасу.) Томас, ты принес то, что я просил?

Томас. Да, господин барон! (Протягивает узел.)

Мюнхгаузен (достав из узла бочонок с порохом). Вот этот сухой, проверенный… От такого - целый полк взлетит в небо!

Судья. Ну, как знаете!.. Если вы столь безрассудны… Фельдфебель, перезарядите пушку!

Фельдфебель берет бочонок с порохом, засыпает в ствол.

Мюнхгаузен. Прощайте, господа! Сейчас я улечу, вам недолго осталось ждать. Мы вряд ли увидимся. Когда я вернусь, вас уже не будет. Дело в том, что на небе и на земле время летит не одинаково. Там - мгновенье, здесь проходят века. Все относительно. Впрочем, это долго объяснять… Прощайте! (Направляется к пушке.) Черт возьми, как надоело умирать…

Вбегает Бургомистр, в руках у него мундир Мюнхгаузена, его парик и депеша.

Бургомистр (кричит). Остановитесь, барон! (Всем.) Господа! Его величество признал в подсудимом барона Мюнхгаузена! (Сует депешу Судье.) Читайте! (Мюнхгаузену.) Карл, дайте я вас обниму! (Бросается к Мюнхгаузену с объятиями.)

Судья (просматривая депешу). Действительно! “…Приказываю считать Мюнхгаузеном…” Как же мы сразу не догадались?!

Бургомистр (подавая Мюнхгаузену мундир). Одевайтесь, одевайтесь, барон! Вас ждет внизу карета. Город с восторгом встретит своего героя! (Напяливает на него парик.)

Баронесса (словно впервые увидев Мюнхгаузена). Это - он! Карл, я узнаю тебя! (Сыну.) Фео, что ты стоишь? Разве не видишь? Это твой отец!

Феофил (кричит). Па-па! (Падает перед Мюнхгаузеном на колени.) Я узнал вас. Я восхищен вами!

Бургомистр (оттаскивает Феофила). Фео! Вы честный юноша. Вы искренне любите и искренне ненавидите, но не делайте этого слишком часто!

Пастор (обращаясь к небу). Господи! Ты совершил чудо!

Рамкопф. Поздравляю вас, барон!

Мюнхгаузен. С чем?

Рамкопф. С успешным возвращением с Луны.

Мюнхгаузен. Я не был на Луне.

Рамкопф. Как это - не был, когда есть решение, что был?.. Сейчас прозвучит залп, его услышат в городе… Это значит: вы слетали и вернулись… Завтра об этом сообщат газеты. Да мы все свидетели.

Марта. Это неправда.

Баронесса. Боже, какой примитив! Нет, сударыня, на этот раз я не уступлю. Если у вас не хватает воображения, то соображать надо. Мой муж летал! Летал!

Судья. Не усложняйте, господа, не усложняйте. (Фельдфебелю.) Залп немедленно!

Фельдфебель подносит запал, пушка стреляет.

Рамкопф. Вот и все! Виват Мюнхгаузену!

Все. Виват! Виват! Виват!

Мюнхгаузен (орет). Прекратите!.. Господи, как вы мне надоели!.. Поймите же, что Мюнхгаузен славен не тем, что летал или не летал, а тем, что не врет. Я не был на Луне. Я только туда направляюсь. А раз вы помешали мне улететь, придется идти пешком. Вот по этой лунной дорожке. Это труднее! На это уйдет целая жизнь, но придется… Марта, ты готова?

Марта. Конечно, Карл.

Мюнхгаузен. Пошли. (Берет ее за руку.) А ты, Томас, ступай домой и готовь ужин. Когда мы вернемся, пусть будет шесть часов.

Томас. Шесть вечера или шесть утра, господин барон?

Мюнхгаузен. Шесть дня.

Томас. Слушаюсь.

Мюнхгаузен (оборачивается). Я понял, в чем ваша беда. Вы слишком серьезны. Серьезное лицо - еще не признак ума, господа. Все глупости на Земле делаются именно с этим выражением. Вы улыбайтесь, господа,

улыбайтесь! (Уходит с Мартой все выше и выше по лунной дорожке.)

Занавес